

Феликс Дан

ПАДЕНИЕ РИМА

ИСТОРИЧЕСКИЙ
РОМАН

Феликс Дан
Падение Рима

«Седьмая книга»

1876

Дан Ф.

Падение Рима / Ф. Дан — «Седьмая книга», 1876

VI век нашей эры... Римская империя и варвары, противостояние короля Теодориха Великого и Византии, любовь готского полководца и знатной римлянки, орды варваров и реки безумия и крови, интриги, схватки, сражения... Падение Римской империи стала первой в истории человечества геополитической катастрофой, повлекшей за собой цепную реакцию крушений более мелких государств и приведшей к Великому переселению народов. Мрачная эпоха с IV по VI век нашей эры сопровождалась невероятным насилием и кровопролитием.

© Дан Ф., 1876

© Седьмая книга, 1876

Содержание

Книга I. Теодорих	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	15
Глава 4	19
Глава 5	21
Глава 6	24
Глава 7	27
Книга II. Аталарих	29
Глава 1	29
Глава 2	32
Глава 3	34
Глава 4	37
Глава 5	39
Глава 6	41
Глава 7	45
Глава 8	47
Книга III. Амаласвинта	51
Глава 1	51
Глава 2	54
Глава 3	58
Глава 4	60
Глава 5	64
Глава 6	66
Глава 7	68
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Феликс Дан

Падение Рима

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Книга I. Теодорих

Глава 1

Стояла душная летняя ночь 526-го года от Рождества Христова.

Свинцовые тучи тяжело нависли над темной поверхностью Адриатического моря, темные воды которого в этой неприглядной тьме сливались с берегом в одну черную массу. Только яркий свет молний прорезывал иногда тьму и освещал лежащий на берегу моря город Равенну. Время от времени сильный порыв ветра проносился над рядами холмов, возвышавшихся на некотором расстоянии к западу от города. Густой дубовый лес покрывал эти холмы, на одном из которых стоял некогда величественный, теперь полуразрушенный храм бога моря Нептуна.

Тихо было на этой, покрытой лесом, горе. Иногда только ветер отрывал куски камней от скал, и они с шумом скатывались по каменистому склону горы и с плеском падали в мутную воду каналов и рвов, которые, точно поясом, окружали Равенну, эту сильную морскую крепость. Иногда шум раздавался и внутри старого храма: с крыши отрывалась какая-нибудь обветшавшая плита и с треском разбивалась о мраморные ступени, предвещая близкое разрушение всего здания.

Но человек, сидевший на одной из верхних ступеней лестницы храма, не обращал никакого внимания на этот грозный шум. Давно уже сидит он тут, прислонившись спиной к верхней ступени и устремив неподвижный взор на расстилающийся на берегу город.

Вот начался дождь, и отдельные крупные капли упали на его лицо, скатываясь на широкую, доходящую почти до пояса, серебристую бороду. Но старик не замечал и этого. Он упорно продолжал смотреть на дорогу, тоскливо ожидая чего-то.

Наконец он встал и спустился на несколько ступеней.

– Они идут, – проговорил он.

Действительно, по дороге, идущей от города, появился свет факела. Скоро послышались быстрые, решительные шаги, затем к храму подошли три человека.

– Да здравствует Гильдебранд, сын Гильдунга! – раздался приятный голос того из них, который шел впереди и нес факел.

Войдя в храм, он остановился и высоко поднял свой факел, свет которого падал на его лицо, молодое, прекрасное, со смеющимися светло-голубыми глазами. Густые золотистые волосы падали крупными локонами по обе стороны лица и доходили до плеч. Нос и рот были точно выточены. Улыбавшиеся губы и подбородок покрывались чуть пробивавшимся светлым пушком. Одежда его была вся белая. Длинный военный плащ из тонкой шерсти сдерживался у правого плеча золотой пряжкой, сандалии на ногах крепились белыми кожаными ремнями, которые, крестообразно переплетаясь, доходили до колен. Белые руки были обнажены и украшены широкими браслетами. Когда он стал, опершись о копьё, служившее ему и оружием, и посохом, и повернулся ко входу, глядя на своих более медлительных товарищей, то казалось, будто в мрачные развалины древнего храма возвратился прекрасный бог его лучших дней.

Второй из пришедших имел значительное семейное сходство с первым, но совершенно иное выражение. Он был на несколько лет старше, выше ростом и шире в плечах. Густые, темные выющиеся волосы были коротко острижены. В выражении его лица не было той жизнерадостности, ясной доверчивости и надежды, которые освещали черты его младшего брата. Вместо них в его лице, как и во всей фигуре, было выражение медвежьей силы и храбрости. Одежда его была из простой темной материи, а в руках короткая, тяжелая палка из твердого дуба.

Третий человек задумчиво шел позади. На нем был стальной шлем, меч и темный плащ готского крестьянина. Прямые каштановые волосы его были подстрижены, черты лица правильны, выражение открытое, прямое, мужественное, спокойное.

Как только он вошел в храм и поклонился старику, молодой вскричал:

– Ну, Гильдебранд, прекрасно должно быть приключение, ради которого ты вызвал нас в такую ужасную погоду в это дикое место! Говори же, в чем дело!

Но старик вместо ответа обратился к последнему из пришедших:

– А где же четвертый приглашенный?

– Он хотел идти один и отстал от нас. Ты ведь знаешь его.

– Да вот и он! – вскричал юноша, указывая на другую сторону холма.

Действительно, оттуда приближался человек, в высшей степени своеобразный на вид. Яркий свет факела освещал бледное как привидение, почти бескровное лицо. Голова его была обнажена, длинные, блестящие черные локоны спускались на плечи. Густые черные брови и длинные ресницы оттеняли большие темные, очень грустные глаза. В складках тонкого рта виднелась глубокая, скрытая печаль. Лицо и осанка его были еще совсем юношеские, но душа, казалось, преждевременно созрела от страданий. На нем был панцирь из черной стали, а в правой руке сверкал боевой топор на длинной рукоятке. Простым наклоном головы он приветствовал других и молча стал подле старика, который между тем начал свою речь:

– Я пригласил вас сюда, потому что должен поговорить о важном деле с верными людьми, которые могут оказать помощь. И никто посторонний не должен подслушать нас. Долго, много месяцев присматривался я ко всему народу и выбрал вас: вы именно такие, которые нужны. Когда вы выслушаете меня, то сами поймете, что об этой ночи необходимо молчать.

Третий из пришедших серьезно взглянул в глаза старику.

– Говори спокойно, – сказал он, – мы выслушаем, и будем молчать. О чем хочешь ты говорить?

– О нашем народе, о царстве готов, которое стоит на краю гибели.

– Гибели! – с живостью вскричал белокурый юноша, тогда как великан-брат его улыбнулся и поднял голову.

– Да, на краю гибели! – повторил старик, – и одни только вы можете поддержать и спасти его.

– Да простит тебе небо эти слова! – с горячностью прервал его юноша. – Разве нет у нас короля Теодориха, которого даже враги называют великим, самым знаменитым героем, самым мудрым королем в мире? Разве мы не обладаем этой чудной страной, Италией, со всеми ее сокровищами? Что в мире может сравниться с царством готов?

– Выслушай меня, – возразил ему старик. – Выслушайте вы, дорогие друзья, и ты, любимый сын мой. Чего стоит король Теодорих, как он велик, – никто не знает этого лучше Гильдебранда, сына Гильдунга. Более пятидесяти лет назад я на своих руках принес его – тогда еще крошечного ребенка – к его отцу сказал: «Он доставит тебе радость». И когда ребенок подрос, я сам изготовил ему первую стрелу, я же сам обмыл и первую его рану. Я сопровождал его в золотой город Византию, и я охранял там его тело и душу. И когда он завоевывал эту прекрасную страну, я все время шел рядом с ним и в тридцати битвах держал над ним щит. Конечно, с тех пор он нашел себе много советников и друзей, более ученых, чем его старый оруженосец, но едва ли они более умны и едва ли более верны, чем я. Как сильна его рука, как зорок глаз, как светла его голова, как ужасен он в шлеме и как приветлив за чашей, как превосходит умом даже греков, – во всем этом я имел случай убедиться сотни раз и гораздо раньше, чем ты, молодой орленок, впервые увидел свет. Но теперь старый орел летит на одном крыле. Его боевые годы тяготят его, потому что ни он, ни вы, ни все ваше поколение не может нести бремя годов так, как я и мои сотоварищи. И вот он лежит теперь в своей раззолоченной комнате в Равенне, больной, как-то загадочно больной телом и душой. Врачи говорят, что, как

ни сильна еще у него рука, каждый удар его сердца может как молния умертвить его и при каждом заходящем солнце он может отправиться в страну мертвых. А кто же будет тогда его наследником? Кто защитит это государство? Амаласвинта, его дочь, и Аталарих, его внук, – женщина и дитя.

– Но княгиня умна, – заметил третий, который был в шлеме с мячом.

– Да, она переписывается по-гречески с императором Византии и говорит по-латыни с благочестивым Кассиодором. Сомневаюсь даже, думает ли она по-готски. Горе нам, если во время бури ей придется быть у руля!

– Но старик, я решительно нигде не вижу бури! – вскричал юноша, встряхнув кудрями. – И откуда может она появиться? Император Византии примирился с Теодорихом, епископ Рима назначен самим королем, князья франков – ему племянники, итальянцы живут под его защитой лучше, чем когда-либо. Нигде, решительно нигде не вижу я опасности.

– Притом император Юстин теперь только слабый старик, – поддержал юношу человек с мечом. – Я знаю его.

– А знаешь ли ты Юстиниана, его племянника и прямого наследника, который и теперь уже является правой рукой дяди? Этот Юстиниан непроницаем как ночь, и лжив как море. Я знаю и боюсь его. Я сопровождал последнее посольство в Византию. Он пришел к нам на пир. Приняв меня за пьяного, – дурак, он и не воображает, сколько может выпить сын Гильдунга, – он начал расспрашивать меня обо всем, именно обо всем, что необходимо знать тому, кто хочет уничтожить нас. Ну, от меня-то он, конечно, не получил желаемых сведений. Но также верно, как то, что меня зовут Гильдебрандом, – этот человек хочет снова захватить себе Италию и изгнать из нее всех готов до последнего!

– Да, если бы только он смог! – проворчал брат белокурого юноши.

– Верно, друг Гильдебад, если бы смог. Но он может сделать многое: Византия сильна!

Тот пожал плечами.

– Многое, говорю тебе, – с гневом вскричал старик, – и знаешь сколько? Двенадцать лет боролся наш великий король с Византией и не смог победить. Но тебя тогда еще не было на свете, – спокойно прибавил он.

– Хорошо, – поддержал юноша своего брата, – это так. Но ведь тогда мы, готы, были одни в чужой стране. Теперь же мы имеем свое отечество – Италию и собратьев – итальянцев.

– Италия – наше отечество! – с горечью вскричал старик, – это только мечта. А вельхи – наши помощники против Византии! Ах ты, молодой глупец!

– Это собственные слова короля! – возразил юноша.

– Да, да, я хорошо знаю эти пустые мечты, которые могут совсем погубить нас. Чужие мы здесь, чужие теперь, как и сорок лет назад, когда спускались сюда с этих гор, и такими будем еще через тысячу лет. Здесь нас всегда будут считать варварами.

– Конечно, но зачем же мы остаемся варварами? Чья это вина, если не наша собственная? Почему мы не хотим учиться у них?

– Замолчи! – вскричал старик, дрожа от гнева. – Молчи, Тотила, не высказывай подобных мыслей. Они сделались проклятием моего дома.

И, с трудом успокоившись, старик продолжал:

– Вельхи – не братья, а смертельные враги наши. Горе нам, если мы поверим им! Ах, если бы король послушал моего совета и велел после своей победы изрубить мечом всех их, от грудного младенца до отжившего старика! Они вечно будут ненавидеть нас, – и они будут правы. Мы же глупы, что удивляемся им.

С минуту все молчали. Наконец юноша заговорил:

– И ты думаешь, что между нами и ими невозможны дружелюбные отношения?

– Нет, не может быть мира между сынами Гаута и южными народами. Человек вошел в золотую пещеру дракона-змея и сильным ударом заставил его склонить голову. Дракон стал

молить о пощаде, и человек, сжалившись над дрожащим животным, оставил его и стал осматривать сокровища пещеры. Что же сделает в таком случае ядовитое чудовище? Как только представится удобный случай, оно бросится из-за спины на пощадившего и ужалит его.

– Хорошо, пусть явятся эти греки, – вскричал великан Гильдебад, – пусть высунут свои языки эти ехидны. Мы живо расправимся с ними, вот как! – и, высоко подняв дубину, он с такой силой опустил ее на мраморный пол храма, что одна из плит разлетелась в куски, и все старое здание задрожало.

– Да, – подхватил Тотила, и глаза его засверкали, – пусть попробуют. А если неблагодарные римляне изменят нам в то время, когда явятся византийцы, то смотри, старик, – и он с гордой любовью взглянул на своего сильного брата, – смотри, у нас есть люди, могучие как дубы!

С дружеской улыбкой кивнул старый оруженосец головою. – Да, Гильдебад силен, хотя и не таков, как был Винитар и другие, которые были молоды вместе со мною. И сила очень важна против мужей севера. Но эти южные народы, – с досадой продолжал он, – сражаются из-за стен и башен. Они ведут войну, точно решают арифметическую задачу, и найдут такое решение, что целое войско героев окажется заперто где-нибудь в углу так, что не сможет и шевельнуться. Я знаю одного такого счетчика в Византии, его и мужчиной назвать нельзя, а он побеждает героев. Ты также должен знать его, Витихис, – обратился старик к человеку с мечом.

– Да, я знаю Нарзеса, – задумчиво и серьезно ответил тот. – Все, что ты сказал, сын Гильдунга, к сожалению, правда, чистая правда. Мне и самому это часто уже приходило в голову, но смутно, не ясно, скорее как догадка, а не как мысль. Теперь же я ясно понимаю все, и ты совершенно прав: король при смерти, княгиня – женщина, полугречанка, Юстиниан подстерегает нас, вельхи фальшивы как змеи, военачальники Византии показывают чудеса искусства. Всего этого невозможно отрицать. Но... – и тут он с облегчением вздохнул, – но мы, готы, не одиноки. Наш мудрый король создал себе большое число друзей и союзников. Король вандалов женат на его сестре, король вестготов – его внук, короли бургундов, герулов, франков и тюрингов также породнились с ним. Все народы уважают его, как отца, – сарматы, даже далекие эсты с берегов восточного моря преклоняются перед ним и шлют свои дары: медвежьи шкуры, янтарь. Разве все это...

– Глупости все это, – вскричал Гильдебранд, – льстивые слова, пестрые тряпки и ничего более! Много нам помогут эсты со своим янтарем против великих полководцев Византии, Велизария и Нарзеса? Горе нам, если мы не сможем победить одни! Все эти зятья, шурины и прочие льстят, пока дрожат, а как только перестанут бояться, станут сами грозить. Знаю я верность королей! Нет, мы имеем только врагов вокруг себя, врагов явных и тайных. Друзей же у нас нет.

Все молча обдумывали слова старика. А снаружи свирепствовала страшная буря.

Наконец заговорил Витихис.

– Да, опасность велика, но, надеюсь, совсем не неотразима. Не для того же ты созвал нас сюда, чтобы мы погрузились в отчаяние, оставаясь в бездействии. Ты сказал, что мы должны помочь. Говори же, каким образом, думаешь ты, мы можем помочь?

Старик сделал шаг вперед и взял его руку.

– Молодец, Витихис, сын Валтариса. Я хорошо узнал тебя и верно угадал, что от тебя первого услышу мужественное слово надежды. Да, я так же, как и ты, думаю, что помощь еще возможна, и для того, чтобы найти ее, я и созвал вас сюда, где ни один вельх не может подслушать наши речи. Ну, говорите же, советуйте. Я выскажусь последним.

Все молчали. Тогда старик обратился к черноволосому:

– Почему ты молчал все время, Тейя? Если ты думаешь, как и мы, то говори.

– Я молчал, потому что думаю не так, как вы.

Все удивились.

– Как же думаешь ты, сын мой? – спросил старый Гильдебранд.

– Гильдебрад и Тотила не видят опасности, – ответил Тейя: – ты и Витихис видите ее, но еще надеетесь. Я же вижу ее уже давно и более не надеюсь.

– Ты смотришь слишком мрачно. Разве можно отчаиваться до начала борьбы? – заметил Витихис.

– Неужели мы должны погибнуть, не обнажая меча, без борьбы, без славы? – вскричал Тотила.

– О нет, не без борьбы и не без славы, мой Тотила, – ответил Тейя, слегка потрясая своим топором. – Мы будем сражаться так, что мир никогда не забудет нас. Сражаться с невиданной доблестью, но без победы: звезда готов закатывается.

– А мне кажется, что только теперь она начинает восходить, – нетерпеливо вскричал юный Тотила. – Позволь нам поговорить с королем, или, лучше, скажи ему сам, Гильдебранд, все, что ты говорил здесь. Он мудр, он придумает, что делать.

Старик покачал головою.

– Двадцать раз говорил я ему. Но он уже не слушает меня. Он устал, хочет умереть, и душа его омрачена, – решительно не могу понять, какой тенью. Что думаешь ты, Гильдебрад?

– Я думаю, – выпрямляясь во весь рост, ответил великан, – что, как только старый лев сомкнет усталые глаза, мы снарядим два войска. Одно из них Витихис и Тейя поведут к Византии и сожгут ее. А с другим я и мой брат перейдем Альпы и уничтожим Париж, это змеиное гнездо Меровингов, не оставим там камня на камне, уничтожим его навеки. Тогда наступит полный мир и покой.

– Но ведь у нас нет кораблей против Византии, – возразил Витихис.

– И франков наберется семь против нашего одного, – заметил Гильдебранд. – Но твой совет смел. А ты, Витихис, что думаешь?

– Я советовал бы составить союз всех северо-германских племен: франков, бургундов, аллеманов, герулов и других, – против греков. Союз, скрепленный клятвой и обеспеченный заложниками.

– Ты рассчитываешь на верность, потому что сам верен. Нет, друг мой, только готы могут помочь готам, и им нужно снова напомнить о том, что они – готы. Слушайте. Все вы еще молоды, все вы многое любите, имеете различные радости; один любит женщину, другой оружие, третьему светит какая-либо надежда, или его гложет какое-нибудь горе, которое для него так же дорого, как любимая женщина для другого. Но, верьте мне, для каждого наступает время, – иногда даже в молодых годах, – когда все эти радости и даже горести становятся такими же ничтожными, как увядшие венки вчерашнего пира. Многие в такое время становятся мягкими, благочестивыми, забывают обо всем земном и начинают думать только о том, что их ждет за гробом. Я на это неспособен, и вы, да и многие из нас, думаю, также неспособны. Я люблю эту землю с ее лесами, горами, лугами и пенящимися потоками, люблю эту жизнь с ее горячей ненавистью и долгой любовью, с тихим гневом и безмолвной гордостью. О той духовной жизни за облаками, о которой говорят христианские священники, я ничего не знаю, да и знать не хочу. Но у верного человека остается одно благо даже тогда, когда все уйдет от него, благо, от которого он никогда не отрекается. Взгляните на меня. Я – ствол, лишенный листьев. Все потерял я, все, что радовало мою жизнь: моя жена умерла, мои сыновья умерли, мои внуки умерли... все, кроме одного... который хуже, чем умер – он стал вельхом. Давно убиты, давно уже умерли все те, с которыми я играл мальчиком и сражался, став мужчиной. И вот теперь спускается в могилу моя первая любовь и последняя моя гордость – мой великий, усталый король. Что же привязывает меня еще к жизни? Что придает мне силу, желание, потребность жить? Что гонит меня, старика, точно юношу, в бурную ночь на эту гору? Что пылает еще под этими белыми как снег волосами, такой горячей любовью, такой упрямой гордостью, непобедимой печалью? Глубокая привязанность к моему народу, горячая, всепобеждающая любовь к этому племени, которое называется готским, которое говорит тем же дорогим, родным мне

языком, каким говорили мои родители, привязанность к тем, которые говорят, чувствуют и живут так же, как и я. Она одна, только одна эта любовь к народу продолжает еще гореть в сердце, после того как всякий другой пламень в нем угасает. Эта привязанность – самая дорогая святыня, самое высокое чувство в груди каждого мужчины, самая могучая сила его души, непобедимая и верная до гроба.

Старик воодушевился, волосы его развевал ветер. Он стоял точно старый исполин среди молодых мужей, которые держали в руках оружие.

Наконец Тейя заговорил:

– Ты прав, этот огонь пылает и тогда, когда все угасает. Но он горит в тебе, в нас, быть может, еще в сотне других наших братьев. Но разве это может спасти весь народ? Нет! Необходимо, чтобы это пламя охватило всю массу, – тысячи, сотни тысяч людей. А разве это возможно?

– Возможно, сын мой, возможно. Благодарю за это всех богов. Слушай. Назад тому сорок пять лет все мы, готы, много сотен тысяч, с женами и детьми, – были заперты в горном ущелье. Положение наше было отчаянное. Брат короля был разбит и убит при вероломном нападении, и все съестные припасы, которые он должен был доставить нам, захватили враги. Мы сидели в скалистом ущелье и терпели такой голод, что ели траву и кору. Позади нас возвышались недотягаемые скалы, слева, впереди и справа в узком проходе находился враг, втрое превышавший нас численностью. Много тысяч из нас уже погибло от голода и холода. Двадцать раз старался великий король пробиться через проход, и все напрасно. Мы готовы были отчаяться. И в это время явился к нам посланный от императора Византии. Он предложил нам жизнь, свободу, вино, хлеб, мясо, – и все это под одним только условием: мы должны разъединиться, по четыре, по пять человек, мы должны быть рассеяны по всему всемирному государству римлян. Никто из нас не должен больше жениться на готской женщине, никто не должен учить своих детей языку и обычаям готов, самое имя готов должно исчезнуть с лица земли, мы должны стать римлянами. Услышав это, король наш вскочил, созвал весь народ, изложил все эти требования в пламенной речи и затем спросил: желаем ли мы жить на свободе, отказавшись от своего языка, нравов, народа, или предпочитаем умереть вместе с ним? Пламенная речь его проникла в сердца всех собравшихся людей. Его воодушевление разлилось по всему войску, точно пламя пожара по сухим стволам деревьев во время лесного пожара, – и в ответ, точно рев моря, раздался крик сотен тысяч храбрецов, которые, размахивая мечами, бросились к проходу, – и греков как не бывало, а мы прошли освобожденные, победителями.

Гордостью блестели глаза старика, когда он продолжал, – Только это одно может спасти нас и теперь, как тогда: если готы почувствуют, что они сражаются за самое великое благо на земле, за то таинственное сокровище, которое лежит в языке и нравах народа, – тогда мы можем смеяться над ненавистью греков и кознями вельхов. Вот почему прежде всего я прямо и серьезно спрашиваю вас, чувствуете ли вы так же ясно, полно, так же сильно, как и я, что эта любовь к нашему народу составляет наше самое драгоценное сокровище, самый сильный щит? Можете ли вы сказать, подобно мне: мой народ – для меня самое главное? Все, решительно все другое – ничто в сравнении с ним, и ему я принесу в жертву и себя, и свое имущество. Можете ли вы и готовы ли повторить все это?

– Да, я хочу и могу! – в один голос ответили четыре человека.

– Хорошо, – продолжал старик, – это хорошо. Но Тейя прав, не все готы чувствуют теперь то же, что чувствуем мы, а между тем они должны чувствовать так, иначе мы не можем помочь себе. Итак, клянись мне, что с сегодняшнего дня вы будете неусыпно стараться вселить это чувство, как в самих себя, так и в сердца всех людей, с которыми вам приходится сталкиваться и иметь дело. Многих, очень многих ослепили блеск чужеземцев. Многие переняли греческую одежду, римские мысли, и стыдятся имени варваров. Они стараются забыть сами и заставить и других забыть, что они готы, – о, горе этим глупцам! Они вырвали сердце из своей груди

и хотят жить после этого. Они подобны листьям, которые с гордостью отделяются от ствола. Но подует ветер и занесет их в тину и болота, где они сгниют. Ствол же устоит против бури и сохранит живым то, что верно держалось на нем. Вот почему вы должны всюду и всегда будить свой народ и напоминать ему о его достоинстве. Рассказывайте мальчикам древние саги о битвах наших предков с гуннами, о их победах над римлянами. Мужчинам объясняйте угрожающую нам опасность, внушайте им, что спастись можно, только сохраняя народность. Убеждайте своих сестер, чтобы они не увлекались римлянами. Своих невест и жен учите, что они должны жертвовать всем, – собою, вами, всем имуществом, – ради счастья добрых готв. Чтобы, когда явятся враги, они нашли здесь народ сильный, единомышленный, гордый, о который все их усилия разобьются, как волны о скалы. Хотите ли вы помогать мне в этом?

– Да, – ответили они, – мы готовы.

– Я верю вам, – сказал старик, – верю простому слову вашему, и не для того, чтобы крепче связать вас, – потому что разве можно чем бы то ни было связать лицемерного? – но потому, что я остался верен старым обычаям нашим и считаю, что лучше удастся то, что совершенно по обрядам отцов. Следуйте за мной.

Глава 2

С этими словами он взял в руки факел и пошел вперед, через все здание храма, мимо развалившегося главного алтаря, мимо ряда разбитых статуй древних богов, спустился по ступеням лестницы и вышел на открытый воздух. Все молча следовали за ним.

Пройдя несколько шагов, старик остановился под громадным старым дубом, могучие ветви которого, подобно крыше, защищали от дождя и бури. Здесь все уже было приготовлено для принесения самой торжественной клятвы по древнему, еще языческому обряду германцев.

Под дубом была вырезана полоса густого дерна шириною в фут, и длиной в несколько аршин. Средняя часть этого дернового пояса была приподнята и держалась на трех длинных кольях, воткнутых в землю. Под этой дерновой крышей свободно могли стоять несколько человек.

В вырытом рву стоял медный котел, наполненный водою, а подле него – первобытный острый боевой нож: ручка из рога зубра и клинок из кремня.

Старик вошел в ров, воткнул свой факел в землю подле котла, обратился лицом к востоку и склонил голову. Затем, приложив палец к губам в знак молчания, кивнул головою остальным, чтобы они вошли.

Все четверо молча подошли и стали – Витихис и Тейя с левой стороны, а оба брата – Тотила и Гильдебад – с правой. Затем все пятеро взяли за руки, образуя цепь.

Через несколько минут старик выпустил руки Витихиса и Гильдебада, стоявших рядом с ним, и опустился на колени.

Прежде всего он взял полную горсть черной лесной земли и бросил ее через левое плечо. Затем зачерпнул другой рукой воды из котла и выплеснул через правое плечо. Потом подул перед собой и взмахнул факелом над головою, справа налево. После этого он опять воткнул факел в землю и проговорил вполголоса:

– Слушайте меня, ты, старуха земля, и вы, бушующие воды, и легкий воздух, и пылающий огонь. Выслушайте меня внимательно и сохраните мои слова. Вот стоят пять человек из племени Гаута: Тейя и Тотила, Гильдебад и Гильдебранд, и Витихис, сын Валтариса. В тишине ночи пришли мы сюда, чтобы составить братский союз на веки вечные. Мы должны быть братьями в мире и вражде, в мести и в правде. Надежда, ненависть, любовь и страдание, – все у нас должно быть одно, как в одну каплю сливается кровь наша.

При этих словах он, а за ним и все остальные, обнажили левые руки и протянули их над котлом. Старик поднял острый каменный нож и одним ударом сделал разрезы на всех пяти руках, так что красный капли заструились в медный котел. Затем все опять стали на прежние места, а старик продолжал:

– И мы клянемся страшной клятвой, что для счастья готов мы пожертвуем всем: домом, двором, имуществом, лошадыю, оружием, скотом, сыном, родственником и товарищем, женою и собственным телом и жизнью. А если кто из нас откажется выполнить эту клятву, не будет готов на всякую жертву...

Тут старик, а за ним и все остальные вышли из-под дернового навеса.

...То пусть кровь того человека прольется не отмщенной, как эта вода под лесной палаткой.

Он поднял котел и вылил из него окровавленную воду в ров.

– Как падает эта крыша, так да обрушится на голову его свод неба и задушит его.

Сильным ударом он опрокинул воткнутые в землю копыя, и глухо упал на землю дерновый навес.

Пять человек, взявшись за руки, снова стали на место, покрытое дерном, и старик быстро продолжал:

– И если кто-нибудь из нас не сдержит этой клятвы, не будет, как родных братьев, защищать каждого из нас при жизни и мстить за него после смерти, или откажется пожертвовать всем, решительно всем, для блага готов, когда наступит необходимость и один из братьев потребует этого, то да будет он предан на веки вечные подземным злым силам, которые обитают под зеленым покровом земли. Пусть вытопчут добрые люди своими ногами то место, где будет лежать его голова, и да будет имя его обесчещено повсюду, куда только доносится звон колокола христианской церкви, где язычник приносит свою жертву, где мать ласкает свое дитя, где ветер гуляет по широкому свету. Скажите, товарищи, должно ли все это постичь негодяя?

– Да, пусть все это обрушится на него, – повторили они.

Тогда Гильдебранд разомкнул их руки и сказал:

– А чтобы вы знали, какое значение имеет это место для меня, а теперь и для вас, и почему я созвал вас сюда именно в эту ночь, – подойдите и смотрите.

И, подняв факел, старик сделал несколько шагов и остановился по другую сторону дуба, у которого они клялись. Молча приблизились к нему товарищи и с удивлением увидели перед собою открытую могилу, в ней большой гроб, с которого была снята верхняя крышка, а в гробу – три больших белых скелета, блестящих при свете факела, и тут же заржавленное оружие – копья, щиты... Пораженные, они с удивлением посматривали то на гроб, то на старика, который долго молча смотрел в глубину гроба и наконец спокойно объяснил:

– Это мои три сына. Они лежат здесь уже более тридцати лет. Все пали на этой горе, в последней битве под Равенной. Все убиты в один час, – сегодня годовщина их смерти. С радостным криком бросились все они на копья врагов за свой народ.

Он замолчал. Товарищи с сочувствием глядели на него. Так прошло несколько минут. Наконец старик выпрямился и взглянул на небо.

– Довольно, – сказал он, – звезды уже блекнут. Полночь давно миновала. Идите назад, в город. Только ты, Тейя, который получил от неба дар не только слагать песни, но и понимать горе, останься со мною эту ночь, подле этих мертвых.

Тейя кивнул головой и, не говоря ни слова, сел в ногах у гроба. Старик передал факел Тотиле и опустился напротив Тейи. Остальные же молча простились с ними и, глубоко задумавшись, направились в город.

Глава 3

Через несколько недель после этого собрания, около Равенны состоялось иное собрание – также под покровом ночи – в римских катакомбах, этих таинственных подземных коридорах, которые составляли почти второй город под улицами и площадями Рима.

Вначале катакомбы служили местом погребения умерших и убежищем для христиан, которые в первые века часто подвергались жестокому гонению.

Входить в них без опытного провожатого было невозможно, потому что эти подземные коридоры так сильно разветвлялись, скрещивались между собою, что незнакомый с выходами непременно потерял бы дорогу. Многие так и умирали в них с голода так и не найдя дорогу.

Впрочем, людям, которые собирались сюда теперь, нечего было бояться: каждую группу в три-четыре человека вел отдельный провожатый, хорошо знакомый со всеми ходами. Провожатыми были обыкновенно люди духовного звания, – уже с первых веков христианства римским священникам ставилось в обязанность изучать ходы катакомб.

Разными дорогами сходились люди в одно место – в большую полукруглую комнату, скудно освещенную висячей лампой. Хладнокровно, очевидно, не в первый раз, стояли они здесь вдоль стен, слушая, как с потолка падали на землю мокрые капли, и спокойно отталкивая ногами валявшиеся на полу побелевшие кости.

Большая часть собравшихся принадлежала к духовенству, остальные – к самым знатным римским семьям, занимавшим высшие должности в городе.

Когда все собрались, старший из духовенства Сильверий – архиепископ церкви св. Себастьяна – открыл собрание по установленному порядку. Затем, окинув проницательным взглядом всех присутствующих, остановил глаза на мужчине высокого роста, который стоял напротив него, прислонясь спиной к выступу стены. Тот в ответ молча кивнул ему головою. Тогда Сильверий начал:

– Возлюбленные братья во имя Троицею Бога! Вот мы снова собрались для священной цели нашей. Меч Эдома висит над нашими головами, и фараон Теодорих жаждет крови детей Израиля. Но мы не забудем слов Евангелия; «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить. А более бойтесь того, кто может и тело и душу погубить в геенне». И в это мрачное время мы уповаем на Того, Кто в виде столпа, днем облачного, ночью огненного, провел народ Свой через пустыню. И мы будем всегда помнить, мы никогда не забудем, что все, что делаем, – делаем ради Его святого имени. Возблагодарим же Его, ибо Он благословил наше усердие. Малы, как стадо евангельское, были мы вначале. А теперь разрослись, как дерево у источника. Со страхом и трепетом сходились мы сюда прежде. Велика была опасность, слаба надежда: проливалась благородная кровь лучших людей. Сегодня же мы смело можем сказать: трон фараона стоит на глиняных ногах, и дни еретиков сочтены.

– Да приступай наконец к делу! – с нетерпением прервал священника молодой римлянин с блестящими черными глазами. – Говори прямо, зачем созвал ты нас сегодня?

Сильверий бросил негодующий взгляд на юношу, и хотя тотчас опомнился и постарался скрыть это негодование под кротко назидательными словами, но голос его звучал резко, когда он ответил:

– Даже и те, которые, по-видимому, не верят в святость нашей цели, не должны разрушать эту веру в других из-за своих собственных мирских целей. Но сегодня, мой горячий друг Лициний, в наше собрание должен вступить новый член, и его вступление есть очевидное доказательство Божьей милости к нам.

– Кто хочет вступить в наш союз? Выполнены ли все предварительные условия? Ручаешься ли ты за него? – посыпались вопросы со всех сторон.

– Вам достаточно узнать, кто он... – ответил Сильверий.

– Нет! Нет! По уставу нашего союза требуется ручательство, иначе...

– Ну, хорошо, друзья, хорошо, я за него ручаюсь, – ответил Сильверий и, обернувшись к одному из многочисленных ходов, которые направлялись в разные стороны из этой средней комнаты, сделал знак рукою. Из глубины коридора тотчас выступили два молодых священника, ведя за собою мужчину, закутанного в плащ. Они подвели его к Сильверию, а сами снова отступили.

Глаза всех с любопытством устремились на этого человека. Сильверий после небольшой паузы снял плащ, покрывавший голову и плечи вошедшего.

– Альбин! – с негодованием, презрением и отвращением вскричали присутствовавшие. – Как? Альбин? Изменник?

И молодой Лициний, а за ним и некоторые другие обнажили даже мечи.

Вся фигура вошедшего выражала трусость. Он пугливо озирался вокруг и наконец остановил умоляющий взгляд на Сильверий.

– Да, – спокойно сказал священник, – это Альбин. Если кто-нибудь из вас что-либо имеет против него, пусть выскажется.

– Клянусь небом! – вскричал Лициний. – Неужели об этом еще нужно говорить! Все мы знаем, кто такой Альбин и что он такое: трусливый, бесстыдный изменник!

Юноша умолк, потому что гнев душил его.

– Брань – не доказательство, – спокойно вступил Сцевола. – Но вот я при всех спрашиваю его, и пусть он мне ответит.

– Альбин, ты ли выдал тирану главные положения нашего союза? Ты ли спас себя постыдной клятвой, данной тирану Теодориху, не вмешиваться больше в государственные дела и бежал, не заботясь о том, что благороднейшие римляне Боэций и Симмах, выступившие в твою защиту, были схвачены, лишены имущества и в конце концов казнены? Отвечай, не из-за твоей ли трусости погибла краса нашего государства?

В собрании послышался ропот неудовольствия. Обвиненный молчал, дрожа всеми членами, даже Сильверий на минуту растерялся.

Тогда на середину комнаты выступил человек, стоявший напротив него у стены. Близость этого человека, казалось, ободрила священника, и он начал:

– Друзья, все, что вы говорите, – было, но не так, как вы говорите. Знайте, Альбин ни в чем не виноват. Все, что он сделал, – он делал по моему совету.

– Как? – вскричало несколько голосов. – По твоему совету? И ты осмелился признаться в этом?

– Выслушайте меня сначала, друзья мои. Вы знаете, что Альбин был обвинен вследствие измены своего раба, который выдал тирану нашу тайную переписку с Византией. Бдительность тирана была возбуждена. Малейшая тень сопротивления, всякий намек на союз должен был усилить опасность. Горячность Боэция и Симмаха была очень благородна, но безумна. А когда раскаялись, было уже поздно. Их поступок показал тирану, что Альбин – не один, что все благородные в Риме с ним заодно. Притом их рвение оказалось излишним: десница Господня неожиданно покарала изменника раба, не дав ему возможности вредить нам больше. Не думаете ли вы, что Альбин в состоянии был бы молчать под пыткой, под угрозой смерти, молчать, когда указание соучастников заговора могло бы спасти его? Нет, вы не думаете этого. Не думал этого и сам он. Вот почему надо было во что бы то ни стало не допустить пытки, выиграть время. И это удалось благодаря его клятве. Конечно, тем временем пролилась кровь Боэция и Симмаха. Но спасти их было уже невозможно, а в их молчании даже под пыткой мы были уверены. Из тюрьмы же Альбин был освобожден чудом, как св. Павел в Филиппах. Он бежал в Афины, а тиран удовольствовался только тем, что запретил ему возвращаться в город. Но триединый Господь дал ему убежище здесь, в Риме, в своем святом храме, пока для него не наступит час свободы. И в уединении этого святого убежища Господь чудесным образом тро-

нул сердце этого человека, и вот он, не страшась более смертельной опасности, снова вступает в наш союз и предлагает все свои неизмеримые богатства на нужды церкви и отечества. Знайте, он передал все состояние церкви св. Марии для целей союза. Решайте же; принять Альбина с его миллионами или отвергнуть? С минуту все молчали. Наконец Лициний вскричал:

– Священник, ты умен, как... как священник. Но мне не нравится такой ум.

– Сильверий, – сказал затем юрист Сцевола, – тебе, конечно, хочется получить миллионы. Это понятно. Но я был другом Боэцию, и мне не годится называть товарищем этого труса, из-за которого тот погиб. Я не могу простить ему. Долой его!

– Долой его! – раздалось во всех концах комнаты. Альбин побледнел, даже Сильверий задрожал при этом всеобщем негодовании. «Цетег!» – прошептал он, как бы прося помощи. Тогда выступил вперед мужчина, который до сих пор молчал и только с видом превосходства рассматривал всех.

Он был высок, красив и очень силен, хотя и худощав. Одежда его указывала на богатство, высокое положение и знатность. На губах его играла улыбка глубокого презрения.

– Что вы спорите о том, что должно быть? – заговорил он спокойным, повелительным тоном, которому невольно подчинялись присутствующие. – Кто желает достичь цели, тот должен мириться и со средствами, которые ведут к ней. Вы не хотите простить ему? Это как вам угодно. Но забыть вы должны. И я также был другом умершего, быть может, даже более близким, чем вы. И, однако, забываю, именно потому и забываю, что был другом. Любит друзей, Сцевола, только тот, кто мстит за них. И вот, ради этой мести – Альбин, дай твою руку!

Все молчали, не столько убежденные его словами, сколько подавленные его личностью.

– Но ведь к нашему союзу принадлежит Рустициана, вдова Боэция и дочь Симмаха, – заметил Сцевола. – Она пользуется громадным влиянием. Останется ли она в союзе, если в него вступит Альбин? Разве сможет она простить и забыть? Никогда!

– Нет, сможет, – ответил Цетег, – если вы не верите мне, поверьте собственным глазам.

И он быстро пошел к прежнему своему месту. Там, у бокового входа, стояла какая-то фигура, плотно закутанная в плащ.

– Иди, – шепнул ей Цетег, беря ее за руку. – Теперь иди!

– Не могу, не хочу! – тихо ответила фигура, сопротивляясь. – Я проклинаю его! Я не могу даже видеть этого несчастного!

– Иди! – повелительно прошептал Цетег, – иди, ты должна и сделаешь это, потому что я этого хочу. – И он отбросил покрывало с головы фигуры и взглянул ей прямо в глаза. Та нехотя повиновалась и вышла на середину залы.

– Рустициана! – вскричали все.

– Да, – ответил Цетег и вложил руку вдовы в дрожащую руку Альбина. – Видите, Рустициана прощает. Кто же будет сопротивляться теперь?

Все молчали. Сильверий выступил вперед и громко заявил:

– Альбин – член нашего союза. Но, прежде чем разойтись, я сообщу вам самые последние сведения и сделаю необходимые распоряжения. Лициний, вот план крепости Неаполя. К утру он должен быть скопирован. А вот, Сцевола, письма из Византии, от императрицы Феодоры, благочестивой супруги Юстиниана. Ты должен ответить на них. Ты, Кальпурний, возьми этот вексель на полмиллиона солидов Альбиния и отправь его казначею короля франков. Он действует на своего короля в нашу пользу и возбуждает его против готов. Затем сообщаю вам всем, что, по последним письмам из Равенны, рука Господня тяжело легла на тирана. Глубокое уныние, слишком позднее раскаяние подавляют его душу, а утешение истинной веры ему недоступно. Потерпите еще немного: гневный голос Судьи скоро призовет его, тогда наступит свобода. В следующем месяце, в этот же час, мы снова сойдемся здесь. Идите с миром, благословение Господне над вами!

И движением руки епископ простился с собранием. Молодые священники с факелами вышли из боковых проходов и повели заговорщиков небольшими группами к разным выходам из катакомб.

Глава 4

Сильверий, Цетег и Рустициана пошли вместе. Поднявшись на несколько ступеней, они вошли в церковь св. Севастиана, подле которой был дом Сильверия. Туда и зашли все трое.

Сильверий провел гостей в тайную комнату, где никто не мог их подслушать, и занялся приготовлением угощения. Цетег же молча сел подле стола, склонив голову на руку. Рустициана несколько времени пристально смотрела на него и затем заговорила:

– Человек, скажи мне, скажи, что за силу имеешь ты надо мной? Я тебя не люблю. Скорее ненавижу. И все же повинуюсь тебе, против воли, как птица – взгляду змеи. И ты вложил мою руку в руку негодяя! Скажи же, какой силой сделал ты это?

– Привычка, Рустициана, простая привычка! – рассеянно ответил тот.

– Да, конечно, привычка! Привычка рабства, которое началось с тех пор, как я начала думать. Что я молодой девушкой полюбила красивого сына соседа, – это было естественно. Что я думала, что и ты любишь меня, – было простительно: ведь ты же целовал меня, а кто же мог думать тогда, что ты не можешь любить никого, даже едва ли и самого себя. Сделавшись женою Боэция, я не заглушила в себе эту любовь, которую ты шутя снова пробудил. Это был грех, но Господь и церковь простили мне. Но почему теперь, когда я знаю твою бессердечность, когда в жилах моих потухло пламя всех страстей, я все же слепо повинуюсь тебе, – это уже глупость, над которою можно только смеяться!

И она громко рассмеялась, потирая рукою лоб.

Сильверий, занятый приготовлением какого-то напитка в другом конце комнаты, украдкой взглянул на Цетега. Тот сидел, по-прежнему склонив голову на левую руку.

– Ты несправедлива, Рустициана, – спокойно ответил он ей. – И неясно понимаешь свои чувства. Ты ведь знаешь, что я был друг Боэция. Знаешь, что я ненавижу готов, действительно ненавижу, и желаю, а главное – могу исполнить то, что составляет главный интерес твоей жизни: отомстить варварам за казнь твоего отца Симмаха, которого ты любила, и мужа, которого уважала. Вот почему ты и подчиняешься мне. И умно делаешь: потому что, хотя ты и умеешь вести интриги, но твоя горячность расстраивает иногда лучшие твои планы. Поэтому для тебя уж лучше слепо подчиняться мне. Вот и все. Теперь иди. Твоя служанка уснула на ступенях церкви. Она воображает, что ты исповедуешься у Сильверия. Прекрасно, но исповедь не должна тянуться слишком долго. Иди, передай мой привет Камилле, твоей прекрасной девочке.

Он встал, взял ее за руку и повел к двери. Рустициана молча поклонилась Сильверию и вышла. Цетег возвратился на свое место.

– Странная женщина! – заговорил Сильверий.

– Ничего нет странного. Она думает, что загладит свою вину перед мужем, если отомстит за него. Но займемся делом.

Сильверий вынул из шкафа большую кипу разных счетов и документов.

– Нет, святой отец, денежными делами займись сам, я их не люблю. Я просмотрю другие дела.

И оба погрузились в изучение писем и счетов. Долго, много часов просидели они за работой. Сильверий крепко устал, его голова совершенно отказалась работать дольше. На лице же Цетега не заметно было ни малейшего следа утомления. Священник с удивлением и завистью посмотрел на него.

Цетег почувствовал этот взгляд, понял его и ответил:

– Привычка, мой друг, сильные нервы и... – тут он улыбнулся: – и чистая совесть. Это главное.

– Нет, не шутя, Цетег, ты для меня загадка. Я совершенно не понимаю тебя. Вот, возьмем любого из членов нашего союза. О каждом я безошибочно скажу, что, собственно, побудило его вступить в союз: Лициния, например, горячий молодой задор, Сцеволу – чувство правды, меня и других священников – ревность о славе Божьей.

– Ну, конечно, – подтвердил Цетег, отпивая из бокала.

– Иных тщеславие, – продолжал Сильверий, – других надежда отомстить во время борьбы своим личным врагам. Но что побуждает тебя – я решительно не могу понять.

– И это тебе досадно, не правда ли? Потому что, только зная побудительные причины наших действий, можно управлять нами. Но в этом случае я не могу помочь тебе: я и сам себя не понимаю. Положим, я не люблю готов, – мне противны их здоровые, румяные лица, их широкие, светлые бороды, цельность их характеров, безумное геройство. Да, они противны мне, и мне неприятно, что они властвуют в стране с таким прошлым, как у Рима.

– Я совершенно согласен с тобой в том, что готы должны быть изгнаны отсюда. И я достигну этого. Потому что я хочу только освободить церковь от еретиков, которые не верят в божественность Христа. И тогда я надеюсь, что...

– Что римский епископ сделается главою всего христианского мира и повелителем Италии, – прервал его Цетег. – И этим епископом Рима будет Сильверий.

Сильверий, пораженный, взглянул на него.

– Успокойся, друг Божий. Я умею хранить чужие тайны. Твои цели я давно уже понял, но никому не выдал их. А пока прощай. Звезды уже гаснут, а мои рабы должны утром найти меня в постели.

И, наскоро простившись с хозяином, Цетег вышел. Некоторое время он шел, глубоко задумавшись, по улицам города, наконец остановился, глубоко вдохнул в себя свежий ночной воздух и проговорил вполголоса.

– Да, я – загадка: точно юноша, провожу ночи с заговорщиками. Возвращаюсь домой на рассвете, точно влюбленный, а зачем?.. Но стоит ли думать об этом! Кто знает, зачем он дышит? Потому что должен. Так и я делаю то, что должен. Оно только я знаю: этот поп хочет быть и, вероятно, будет папой. Это хорошо. Но он не должен оставаться папой долго. А мои мысли – не мысли, а скорее смутные мечты. Быть может, налетит буря с громом, молнией и уничтожит вас. Но вот на востоке начинает светать. Хорошо! Я принимаю это за добрый знак.

С этими словами он вошел в дом и, никого не разбудив, прошел в свою комнату. На мраморном столике подле постели лежало письмо с королевской печатью. Цетег быстро разрезал шнурок, связывавший две навощенные дощечки, и прочел:

«Цетегу Цезарию, председателю сената, сенатор Марк Аврелий Кассиодор.

Наш король и повелитель лежит при смерти. Его дочь и наследница Амаласвинта хочет говорить с тобой до его кончины. Приезжай немедленно в Равенну. Тебе предложат самую важную государственную должность».

Глава 5

Точно тяжелая, черная туча, нависла над Равенной печальная весть: в громадном, роскошном дворце умирал великий король готов Теодорих из рода Амалунгов, – тот могучий Дитрих Бернский, имя которого еще при жизни его перешло в народные песни и сказания, герой своего столетия, который в течение нескольких десятков лет управлял отсюда судьбой всей Европы.

И теперь врачи объявили, что он умирает.

Конечно, население Равенны давно уже было подготовлено к тому, что таинственная болезнь их старого короля должна окончиться смертью. Тем не менее, когда наступила эта решительная минута, все были поражены.

Чуть начало брезжить утро, из дворца один за другим поскакали гонцы во все наиболее знатные дома готов и римлян, и весь город сразу пришел в волнение: повсюду на улицах и площадях виднелись небольшие группы мужчин, которые делились последними сведениями из дворца. Из-за дверей выглядывали женщины и дети.

Все были удручены, печальны, – не только готы, но даже и римляне, потому что, живя в Равенне, в непосредственной близости великого короля, они могли сотни раз убедиться в его кротости и великодушии. Поэтому, хотя они и желали бы изгнать варваров из своей земли, но в эту минуту все корыстные чувства уступили место чистому удивлению и благоговению перед величественной личностью короля. Притом они боялись, что со смертью Теодориха, который всегда защищал римлян против грубости готов и их желания властвовать, им придется испытать на себе гнет со стороны этих варваров.

Около полудня ко дворцу подъехал Цетег, и так как его здесь знали, то без задержки пропустили во дворец. В обширных залах, которые ему пришлось проходить, группами и вполголоса, но оживленно, рассуждали о перемене правителя. Старики же, бывшие соратники умиравшего короля, старались скрыть свои слезы.

С видом холодного равнодушия Цетег прошел мимо. В зале, назначенном для приема иностранных послов, собрались самые знатные готы: храбрый герцог Тулун, охранявший западные границы государства, герцог Ибба, завоеватель Испании, Питца – победитель болгар и гепидов, – все трое из рода Балтов. По знатности происхождения они не уступали Амалунгам, так как предки их также носили корону. Здесь же были Гильдебад и Тейя.

Все они принадлежали к партии, ненавидевшей и не доверявшей римлянам. Поэтому, когда Цетег проходил через эту залу, все бросали на него недружелюбные взгляды. Но гордый римлянин не обратил на это никакого внимания и прошел в следующую комнату, смежную с комнатой короля.

Здесь перед мраморным столом, покрытым документами, стояла женщина лет тридцати пяти, высокого роста, замечательной красоты. Роскошные волосы ее были зачесаны по греческому обычаю. Одежда ее была также греческого покроя. В выражении ее мужественного лица и всей фигуры было особенное достоинство, гордая величественность. Это была Амаласвинта, овдовевшая дочь Теодориха.

Она стояла серьезная, молчаливая, но без слез, вполне владея собою.

Подле нее, прижавшись к ней, стоял мальчик лет семнадцати, ее сын Аталарих, наследник готского престола. Он был прекрасен, как и все члены этого дома, ведшего свое происхождение от богов, но походил не на мать, а на своего отца Эвтариха, который умер в цвете лет от болезни сердца. И в юном Аталарихе, который был живым подобием отца, уже с детских лет были заметны признаки этой ужасной болезни.

В отдалении от них, у окна стояла в мечтательной задумчивости молодая девушка такой поразительной, блестящей красоты, что ее можно было принять за богиню. Это была сестра Аталариха – Матасвинта.

Так обаятельна была красота ее, что даже холодный Цетег, давно знавший княжну, при виде ее остановился в изумлении. Кроме них, в комнате был ученый и верный министр короля – Кассиодор, главный сторонник той миролюбивой политики, которой в течение тридцати лет держался Теодорих. На лице этого кроткого и достойного старика выразалось глубокое горе о потере своего друга-короля и забота о будущем государстве. Увидя вошедшего Цетега, он встал и нетвердой походкой направился к нему.

– О, какой день! – простонал старик со слезами на глазах, обнимая вошедшего.

Цетег презирал всякую слабость и потому холодно ответил:

– Очень важный день; он требует силы и самообладания.

– Совершенно верно, патриций, привет тебе! – обратилась к нему княгиня и, отстраняя от себя сына, протянула римлянину руку. – Ты говоришь, как римлянин. Кассиодор советует предложить тебе очень важную должность. И хотя его совета было бы для меня совершенно достаточно, но я тем охотнее следую ему, что давно уже знаю тебя сама: ведь это ты перевел на греческий язык две песни «Энеиды».

– О королева, – улыбаясь, ответил Цетег. – Не вспоминай о них: я понял, как неудовлетворителен мой перевод, когда прочел перевод этих же песен, сделанный Туллией. И я тотчас купил все своего перевода и сжег.

Туллия – было вымышленное имя, которое подписала Амасвинта под своим переводом. Цетег знал это, но княгиня не подозревала, что ему это известно, и поверила его лести.

– Перейдем к делу, – начала она, очень благосклонно глядя на римлянина. – Ты знаешь, в каком положении находятся дела. Минуты моего отца сочтены. Аталарих – его наследник, а до его совершеннолетия я буду его опекуницей и правительницей государства.

– И готы, и римляне давно уже знают, что такова воля короля, и признали мудрость этого распоряжения, – заметил Цетег.

– Да, они признали. Но толпа изменчива, грубые люди презирают владычество женщин. Впрочем, в общем я полагаю на верность готов. Я тоже не боюсь итальянцев, которые живут здесь, в Равенне, и в других провинциальных городах. Меня страшит только Рим и римляне.

Цетег насторожился, но ни один мускул в лице его не дрогнул.

– Никогда римляне не примирятся с владычеством готов. Да ведь иначе и быть не может, – со вздохом заметила княгиня. – И мы боимся, что, когда известие о смерти короля дойдет до них, они откажутся признать меня правительницей. В виду этого Кассиодор советует окончить это раньше, чем они узнают о смерти моего отца. Мне нужен решительный и верный человек, который немедленно занял бы войсками все главные ворота и места в городе, угрозой вынудил бы у сената и патрициев клятву верности мне, то есть моему сыну, и привлек бы на мою сторону народ. Таким образом, прежде чем до него дойдет весть о смерти короля, опасность возмущения будет устранена. Кассиодор указал на тебя, как на человека, который может исполнить это. Согласен ли ты?

Сотни вопросов, как молнии, промелькнули в голове римлянина при этом предложении. Уж не открыт ли заговор в катакомбах? Не сделан ли донос на него? Не расставляет ли эта хитрая женщина ему ловушку? Или эти готы действительно так слепы, что предлагают это место именно ему? И как же поступить теперь? Воспользоваться случаем и сбросить владычество готов? Но кто же в таком случае получит власть над Римом? Византийский император или кто-либо из среды римлян? И в последнем случае – кто именно? Или разыграть пока роль верно-подданного, чтобы выждать время?

Эти и другие подобные вопросы пронесли, как вихрь, в его голове, но для решения их у него было не больше минуты. Его острому уму и не надо было, впрочем, много времени. Глубоко поклонившись княгине, он ответил;

– Королева, я – римлянин и неохотно думаю о господстве варваров – извини, готов – в Риме. Вот почему уже десять лет я не принимаю никакого участия в государственных делах. Но тебя я не считаю варваркой: ты принадлежишь готам только по происхождению, по уму же ты – гречанка, а по добродетелям – римлянка. Поэтому принимаю твое предложение и своею головою ручаюсь тебе за верность Рима.

– Я очень рада, – сказала княгиня. – Вот возьми документы, полномочия, которые тебе необходимы, и тотчас отправляйся в Рим.

Цетег взял бумаги и начал просматривать их.

– Королева, – сказал он, – это манифест молодого короля. Ты подписала бумагу; но его подписи нет.

– Аталарих, подпиши здесь свое имя, сын мой, – обратилась она к юноше, протягивая ему документ.

Молодой наследник все время пристально всматривался в лицо Цетега. При обращении матери он быстро выпрямился и решительно ответил:

– Нет, я не подпишу. Не только потому, что я не доверяю ему, – да, гордый римлянин, я тебе не доверяю, – но еще потому, что меня возмущает, что вы, не дождавшись даже минуты, когда мой великий дед закроет глаза, протягиваете уже руки к его короне. Стыдитесь такой бесчувственности!

И, повернувшись к ним спиной, он отошел к своей сестре и стал подле нее, обняв ее рукою.

Цетег вопросительно смотрел на княгиню.

– Оставь, – вздохнула она. – Уж если он не захочет чего-нибудь, то никакая сила в мире не принудит его. Между тем Матасвинта несколько времени рассеянно смотрела в окно и потом вдруг схватила своего брата за руку и быстро прошептала:

– Аталарих, кто этот мужчина в стальном шлеме, вон там у колонны подъезда? Видишь? Скажи, кто это?

– Где? – спросил Аталарих, выглядывая в окно. – А, это храбрый герой граф Витихис, победитель гепидов.

В эту минуту тяжелый занавес, закрывавший вход в комнату короля, открылся, и оттуда вышел грек-врач. Он сообщил, что после довольно продолжительного сна больной чувствует себя лучше и выслал его из комнаты, чтобы поговорить наедине с Гильдебрандом, который последние дни ни на минуту не отходил от его постели.

Глава 6

Странное впечатление производила спальня короля: дворец был построен еще римскими императорами и отличался великолепием. И эта комната также была отделана с замечательной роскошью: пол мраморный, стены прекрасно разрисованы; с потолка спускались, точно витая в воздухе, языческие боги. Мебель была простая деревянная, и только дорогое пурпуровое покрывало на ногах больного, да прекрасная львиная шкура перед постелью, – подарок короля вандалов из Африки, – указывали на королевское достоинство больного. В глубине комнаты висели медный щит и широкий меч короля, которые много лет уже не были в употреблении.

У изголовья кровати, заботливо склонившись над больным, стоял старый оруженосец его, Гильдебранд. Король только что проснулся и молча смотрел на своего верного слугу. Лицо его, хотя и сильно исхудавшее во время болезни, носило отпечаток большого ума и силы, в изгибах же рта виднелась необычайная кротость.

Долго, с любовью смотрел король на своего великана-сиделку, затем протянул ему руку.

– Старый друг, теперь нам надо проститься, – сказал он.

Старик опустил на колени и прижал руку короля к губам.

– Ну, старик, встань; неужели же мне утешать тебя?

Но Гильдебранд остался на коленях, только голову приподнял, чтобы видеть лицо короля.

– Слушай, – сказал больной: – я знаю, что ты, сын Гильдунга, всегда правдив. Поэтому спрашиваю тебя: скажи, я должен умереть? и сегодня? до захода солнца?

И он взглянул на своего оруженосца такими глазами, которые нельзя было обмануть. Но старик и не желал обманывать, он уже собрался с силами.

– Да, король готов, наследник Амалунгов, ты должен умереть, – ответил он, – рука смерти уже простерта над тобою. Ты не увидишь заката солнечного.

– Хорошо, – ответил Теодорих, не дрогнув ни одним мускулом. – Вот видишь, тот грек, которого я выслал отсюда, обманул меня на целый день. А мне нужно мое время.

– Ты хочешь опять позвать священника? – с неудовольствием спросил Гильдебранд.

– Нет, они уже больше не нужны мне.

– Сон так хорошо подкрепил тебя, – радостно вскричал оруженосец, – он разогнал тень, которая так долго омрачала твою душу. Хвала тебе, Теодорих, сын Теодемера, ты умрешь, как король-герой.

– Я знаю, – улыбаясь сказал король, – что ты не любил видеть священников у моей постели. И ты прав, – они не могли мне помочь.

– Но кто же помог тебе?

– Бог и я сам. Слушай! И эти слова будут нашим прощаньем. Пусть это будет моей благодарностью тебе за пятьдесят лет твоей верности. Тебе одному – не моей дочери, не Кассиодору, а только одному тебе я открою, что так мучило меня. Но сначала скажи мне: что говорит народ, что думаешь ты об этой ужасной тоске, которая так овладела мною и свела в могилу?

– Вельхи говорят, что тебя мучит раскаяние за казнь Боэция и Симмаха.

– А ты поверил этому?

– Нет. Я не мог думать, чтобы тебя могла смущать кровь изменников.

– И ты совершенно прав. Быть может, по закону они не заслуживали смерти. Но они были тысячу раз изменники. Они изменили моему доверию, моей привязанности. Я ставил их, римлян, выше, чем лучших из людей моего народа. А они в благодарность захотели овладеть моей короной, вступили в переписку с византийским императором; какого-то Юстина и Юстиниана предпочли моей дружбе. Нет, я не раскаиваюсь, что казнил неблагодарных. Я их презираю. Но говори дальше: ты сам, что ты думал?

– Король, твой наследник – еще дитя, а кругом – враги.

Больной наморщил брови.

– Ты ближе к истине. Я всегда знал, в чем слабость моего государства, и в эти ужасные, бессонные ночи я плакал об этом, хотя по вечерам на пирах, перед иноземными послами, и выказывал гордую самоуверенность. Старик, я знаю, что ты считал меня слишком самоуверенным. Но никто не должен был видеть меня унывающим. Никто, – ни друг, ни враг. Трон мой колебался, я видел это и стонал, но только тогда, когда был один со своими заботами.

– О король, ты мудр, а я был глуп! – вскричал старик.

– Видишь ли, – продолжал король, поглаживая руку старика, – я знаю все, что ты не одобрял во мне. Знаю и твою слепую ненависть к вельхам. Верь мне, она слепа... Слепа в такой же степени, быть может, как и моя любовь к ним.

Король вздохнул и замолчал.

– Зачем ты себя мучишь? – спросил Гильдебранд.

– Нет, я хочу кончить. Я знаю, что мое государство, дело всей моей жизни, полной трудов и славы, может пасть, легко пасть. И падет, быть может, по моей вине, – вследствие моего великодушия к римлянам. Пусть будет так. Ничто человеческое не вечно, а обвинение в благородной доброте я готов принять на себя. Но в одну бессонную ночь, когда я, по обыкновению, обдумывал и взвешивал опасности, грозящие моему государству, в душе моей вдруг восстало воспоминание об иной моей вине: уже не излишняя доброта, не стремление к славе, это было кровавое насилие. И горе, горе мне, если народ готов должен погибнуть в наказание за преступление их короля Теодориха!.. Его, его образ восстал предо мною!

Больной говорил с усилием и при последних словах вздрогнул.

– Чей образ? О ком ты думаешь? – прошептал, нагибаясь к нему, Гильдебранд.

– Одоакр! – шепотом же ответил король.

Гильдебранд опустил голову. Наступило тяжелое молчание. Наконец Теодорих прервал его:

– Да, старик, моя рука, – ты знаешь это, – поразила могучего героя, поразила во время пира, когда он был моим гостем. Горячая кровь его брызнула мне прямо в лицо, и ненависть, ненависть светилась в его потухающих глазах. И вот, несколько месяцев назад, ночью передо мной встал его окровавленный, бледный, гневный образ. Лихорадочно забилось мое сердце, и ужасный голос сказал мне: «За это кровавое преступление твое царство падет, и твой народ погибнет».

Снова наступило молчание. На этот раз его прервал Гильдебранд:

– Король, что ты мучишь себя, точно женщина? Разве ты не убил сотни людей своею рукою, а твой народ много тысяч по твоему приказанию? Разве мы не выдержали тридцать битв, когда спускались сюда с гор? Разве мы не шли в потоках крови? Что в сравнении с этим кровь одного человека? Припомни только, как было дело. Четыре года боролся он с нами. Два раза ты и весь твой народ были на краю гибели из-за него! Голод, меч и болезни истребляли твой народ. И наконец, упорная Равенна сдалась: измученный голодом враг лежал у ног твоих. И вдруг ты получаешь предостережение, что он замышляет измену, хочет снова начать ужаснейшую борьбу, и не позже, как в следующую же ночь. Что тебе оставалось делать? Открыто поговорить с ним? Но ведь если он был виновен, то это не помогло бы. И вот ты смело предупредил его и сделал с ним вечером то, что он хотел сделать с тобою ночью. Одним этим поступком ты спас свой народ, предохранил его от новой отчаянной борьбы. Ты пощадил всех его сторонников и дал возможность вельхам и готам прожить тридцать лет, как в царствии небесном. А теперь ты мучишь себя за это дело? Да ведь два народа всю вечность будут благодарить тебя за него! Я, – я готов был бы семь раз убить его!

Старик умолк, глаза его блестели, он имел вид разгневанного великана. Но король покачал головою.

– Нет, старик, нет, все это ничто. Сотни раз повторял я это себе, говорил гораздо красноречивее, убедительнее, чем ты. И ничто не помогает. Он был герой, единственный равный мне! – и я умертвил его, не имея даже доказательств его вины. Из недоверчивости, зависти, – да, надо сознаться, – из страха, из страха еще раз сразиться с ним. Это было, и есть, и навсегда останется преступлением. И никакие уловки не могли успокоить меня. Тяжелая тоска овладела мною. С той ночи образ его беспрестанно преследовал меня и во время пира, и в совете, на охоте, в церкви, наяву и во сне. Тогда Кассиодор стал приводить ко мне епископов, священников. Но они не могли помочь мне. Они слушали мою исповедь, видели мое раскаяние, мою веру и прощали мне все грехи. Но я не находил покоя; и хотя они прощали меня, но я сам не мог простить себя. Не знаю, быть может, это говорит во мне старый дух моих языческих предков, но я не могу скрыться за крестом перед тенью убитого мною. Я не могу поверить, что кровь безгрешного Бога, умершего на кресте, смоет с меня мое кровавое преступление.

Лицо Гильдебранда засветилось радостью.

– Вот и я, ты ведь знаешь, – никогда не мог поверить этим попам. Скажи, о скажи, ведь ты веришь еще в Одина и Тора? Они помогли тебе?

Король с улыбкой покачал головою.

– Нет, мой старый, неисправимый язычник. Твоя Валгалла уже не существует для меня. Слушай, что помогло мне. Вчера я отослал прочь епископа и глубоко погрузился сам в себя; я всею душою молился Богу, и мне стало спокойнее. И видишь, ночью я спал так хорошо и крепко, как много месяцев уже не спал. И когда я проснулся, во мне уже не было прежней тоски. На душе у меня было легко и ясно. Я думал: преступление совершено мною, и никакое милосердие, никакое чудо Господа не может уничтожить его. Хорошо, я должен понести наказание. И если Он – гневный Бог Моисея, то Он отомстит за себя и накажет не только меня, но и дом мой до седьмого поколения. И я подчиняюсь, я и мой род, этому гневу Божьему. Если даже он и погубит всех нас, – Он будет справедлив. Но именно потому, что Он справедлив, Он не может наказывать за мою вину весь этот благородный народ готов. Он не может погубить их из-за преступлений их короля. Нет, Он этого не сделает. И если когда-либо народ этот и погибнет, то я чувствую, что он погибнет не из-за моего поступка. За свое преступление я предаю себя и весь свой дом мести Бога. И в душу мою снизошел мир, и теперь я могу умереть спокойно.

Он умолк. Гильдебранд поцеловал руку, поразившую Одоакра.

– Это было мое прощание и благодарность тебе за твою пятидесятилетнюю верность. Теперь остаток моей жизни посвятим нашему народу готов. Помоги мне подняться, – не могу же я умереть, лежа в подушках. Подай мне вооружение. Без противоречий. Я так хочу и могу.

Гильдебранд должен был повиноваться. Король при его помощи встал с постели, набросил на плечи широкую пурпуровую мантию, опоясался мечом, надел на голову шлем с короной и, опираясь на длинное копьё, стал, прислонясь спиной к одной из колонн посреди комнаты.

– Теперь позови мою дочь и Кассиодора. И всех, кто находится там.

Глава 7

Гильдебранд отдернул занавес, отделявший комнату короля от соседней, и все, бывшие там, – в последнее время туда явилось еще много готов и римлян, – с удивлением увидели спокойно стоявшего короля. С благоговейным молчанием приблизились они к больному.

– Дочь моя, – сказал он, – готовы ли уже письма в Византию, извещающие о моей кончине и о вступлении на престол моего внука?

– Да, отец, вот они, – ответила Амаласвинта, протягивая ему три письма. Король начал читать.

– Императору Юстину. Второе – его племяннику Юстиниану. Конечно, ведь он скоро будет носить корону; он и теперь уже управляет всем. Писал Кассиодор, – я вижу по прекрасному слогу. Но что это? – и открытый лоб короля наморщился: – «прося принять мою молодость под вашу императорскую защиту». Защиту? Это слишком. Горе вам, если вас будет защищать Византия! Вычеркни эту фразу и поставь вместо нее: «полагаясь на вашу дружбу». Этого достаточно для внука Теодориха. – И он отдал письмо Кассиодору. – А кому же это, третье? «Феодоре, благородной супруге Юстиниана». Как! Танцовщице из цирка? Бесстыдной дочери усмирителя львов?

И глаза его засверкали.

– Но она будет скоро императрицей и станет иметь огромное влияние на своего супруга, – заметил Кассиодор.

– Нет, дочь Теодориха не может писать женщине, которая попраля женский стыд. – И он разорвал письмо и бросил клочки на пол.

– Что же, мой храбрый Витихис, будешь ты делать после моей смерти? – обратился он к одному из бывших тут готов.

– Я буду обучать пехоту в Триденте.

– Никто лучше тебя не сделает этого. А ведь ты до сих пор не высказал мне своего желания; ведь помнишь, после борьбы с гепидами я обещал тебе исполнить всякую твою просьбу. Что ж, у тебя и до сих пор нет желания, которое я мог бы исполнить?

– Да, король, теперь есть.

– Наконец-то! Я очень рад. Говори же, в чем дело.

– Сегодня должен подвергнуться пытке один несчастный тюремный сторож за то, что не захотел пытать одного обвиненного. Король, освободи этого человека: пытка постыдна.

– Тюремный сторож свободен, и с этого часа пытка уничтожается в государстве готов. Кассиодор, позаботься об этом. Храбрый Витихис, дай мне твою руку. И чтобы все знали, как глубоко я уважаю тебя, – я дарю тебе свою Валладу, этого благородного золотистого коня. Возьми его в память этого часа вечной разлуки. И если когда-либо ты будешь в опасности, сидя на нем, или он откажется повиноваться тебе, – тут король нагнулся к графу и очень тихо сказал: – прошепчи ему в ухо мое имя... А кто будет охранять Неаполь? Этому дружелюбному, жизнерадостному народу надо дать такого же веселого и мягкого начальника.

– Начальником гавани Неаполя будет молодой Тотила, – ответил Кассиодор.

– Тотила! Этот лучезарный мальчик, любимец богов! Ни одно сердце не устоит против него. Впрочем, сердца этих вельхов! – Король вздохнул и продолжал: – А кто будет оберегать Рим и сенат?

– Вот этот благородный римлянин, Цетег Цезарий, – ответил Кассиодор, делая Цетегу знак приблизиться. – Цетег? – повторил король. – Я его знаю. Взгляни на меня, Цетег.

Неохотно поднял римлянин свои глаза и быстро снова опустил их под пронизательным взором короля. Но, собравшись с силами, он снова, поднял их и хотя с трудом, но с виду спокойно, выдержал проникающий в глубину души взгляд Теодориха.

– Мне было жаль, Цетег, что такой способный человек, как ты, так долго держался в стороне от дела, от меня. И это было опасно. Но, быть может, еще опаснее, что именно теперь ты принимаешься за дело.

– Не по своей воле, о король! – ответил Цетег.

– Я ручаюсь за него! – вскричал Кассиодор.

– Молчи, друг. Здесь, на земле, никто не может ручаться за другого. Едва ли даже и за себя. Но, – продолжал он, обращая снова пристальный взгляд на Цетега, – но эта гордая голова, эта голова Цезаря – не предаст Италию в руки Византии. – Затем, быстро схватив руку римлянина, король продолжал – Слушай, что я предсказываю тебе. Ни одному римлянину не удастся овладеть короной Италии. Молчи, не противоречь. Я предостерег тебя... Что это за шум? – спросил он, быстро обращаясь к дочери, которая в эту минуту отдавала какое-то приказание римлянину, принесшему ей какое-то известие.

– Ничего, король, ничего важного, мой отец, – ответила Амаласвинта.

– Как? Тайны предо мною? Ты хочешь властвовать уже при жизни моей? Я слышу там чуждую речь. Откройте дверь!

Занавес, отделявший соседнюю комнату, был отдернут, и все увидели там нескольких человек, маленького роста в высоких остроконечных шапках, в странной одежде и с длинными овечьими шубами, наброшенными на плечи. Очутившись так внезапно перед лицом короля, они в страхе, мгновенно, точно сраженные молнией, бросились на колени.

– А, послы аваров. Разбойничьи шайки, живущие на восточной границе нашей. Принесли ли вы свою годовичную дань?

– Государь, мы принесли ее. На этот раз – меха, шерстяные ткани, мечи, щиты. Вот они. Но мы надеемся, что на следующий год... мы хотели взглянуть...

– Не ослабел ли Дитрих Бернский от старости? – прервал их Теодорих. – Вы надеялись, что он уже умер? И что мой наследник не сможет справиться с вами? Ошибаетесь, шпионы!

И он взял один из мечей, которые послы разложили перед ним, разломал его и бросил куски к ногам послов.

– Дрянные мечи делают авары, – спокойно сказал он. – А теперь, Аталарих, наследник мой, подойди сюда. Они не верят, что ты можешь носить мою корону. Покажи им, как ты владеешь моим копьем.

Юноша быстро подошел. Яркая краска покрыла бледное лицо его. Он взял тяжелое копье своего деда и с такой силой ударил им о щит, который послы повесили на одном из деревянных столбов в зале, что оно насквозь прокололо щит и глубоко вонзилось в дерево столба.

С гордостью положил король левую руку на голову внука и сказал послам:

– Ступайте же и сообщите своим, что вы видели здесь.

Занавес был снова задернут, и пораженные авары вышли.

– Теперь дайте мне чашу с вином. Нет, не смешивайте с водой. – И он оттолкнул греческого врача. – Дайте цельного вина, по обычаю германцев! Благодарю, старый Гильдебранд, за этот кубок и за всю твою верность. Пью за благо готов!

И он медленно осушил чашу и поставил ее на стол. Но тут вдруг неожиданно, быстро, как молния, наступило то, что предсказывали врачи: он покачнулся, схватился рукою за грудь и упал на руки старого Гильдебранда, который медленно опустил его на пол, положив голову его себе на грудь. С минуту все молчали, притаив дыхание. Но король не шевелился, и Аталарих с громким криком бросился на грудь деда.

Книга II. Аталарих

Глава 1

Как только Теодорих умер, Цетег, не теряя ни минуты, бросился в Рим. Весть о кончине короля еще не дошла туда. Прежде всего он созвал всех знатнейших патрициев в сенат, объявил о вступлении на престол Аталариха и, не дав им времени опомниться, потребовал немедленной клятвы в верности новому королю и его матери-регентше. Здание сената он распорядился окружить отрядом вооруженных готов; длинные копья их были прекрасно видны из окон, и сенаторы принесли клятву.

Тогда, приказав страже никого не выпускать из здания, он отправился в амфитеатр, куда уже были собраны простые граждане Рима. В горячей, воодушевленной речи он убеждал их признать власть Аталариха. Он перечислил им все благодеяния Теодориха, обещал такое же кроткое правление и со стороны Аталариха и его правительницы-матери, указал на то, что вся Италия и даже знатные римляне уже присягнули ему, и наконец сообщил, что первой правительственной мерой Амаласвинты является указ о даровой раздаче хлеба и вина всему бедному населению Рима. В заключение он объявил о семидневных состязательных играх в цирке на его счет, которыми он желает отпраздновать вступление Аталариха на престол и свое назначение префектом Рима. Тысячи голосов в восторге прокричали имя Аталариха и Амаласвинты, но еще громче – имя нового префекта. После этого народ разошелся вполне довольный, патриции были выпущены из сената, и Рим подчинился готам. Цетег возвратился домой и сел писать сообщение Амаласвинте. Но едва он начал писать, как услышал торопливые шаги. Быстро спрятав в ящик стола начатое письмо, префект встал и пошел навстречу гостям.

– А, освободители отечества! – улыбаясь, приветствовал он их.

– Бесстыдный изменник! – вскричал в ответ Лициний, вынимая меч из ножен.

– Нет, подожди, пусть оправдается, если может, – прервал Сцевола своего горячего друга, удерживая его руки.

– Конечно, пусть оправдается. Невозможно, чтобы он отпал от дела святой церкви! – подтвердил Сильверий, физиономия которого выражала полное недоумение.

– Невозможно! – вскричал Лициний. – Да разве он не изменил нам, разве не привел народ к присяге новому королю, разве...

– Разве не запер триста знатнейших патрициев в сенате, точно триста мышей в мышеловке? – продолжал в его тоне Цетег.

– Да он еще смеется над нами! Неужели вы стерпите это? – задыхаясь от гнева, вскричал Лициний.

Даже Сцевола побледнел.

– Ну, а что бы вы сделали, если бы вам дали возможность действовать? – спокойно спросил Цетег.

– Как что? – ответил Лициний. – То, о чем мы, о чем ты же сам столько раз рассуждал с нами: как только получим весть о смерти Теодориха, тотчас перебить всех готов в городе, провозгласить республику...

– Ну, и что же дальше?

– Как что? Мы добились бы свободы!

– Вы навеки убили бы всякую надежду на свободу! – крикнул Цетег, меняя тон. – Вот смотрите и на коленях благодарите меня.

Он вынул из стола документ и подал его удивленным гостям.

– Да, – продолжал он, – читайте. Враг был предупрежден и подготовился. Не сделай я того, что сделал, – в эту минуту у северных ворот Рима стоял бы граф Витихис с десятью тысячами готов, завтра утром в устья Тибра вступил бы Тотила с флотом из Неаполя, а у восточных ворот стоял бы герцог Тулун с двадцатитысячным войском. Ну, а если бы хоть один волос упал с головы какого-либо гота, что было бы с Римом?

Все трое молчали, пристыженные.

Наконец Сильверий подошел к нему, раскрыв объятия.

– Ты спас всех нас, ты спас церковь, и государство! Я никогда не сомневался в тебе!

– А я сомневался, – с благородным чистосердечием произнес Лициний. – Прости, великий римлянин. Но с этой минуты это копье, которое должно было пронзить тебя сегодня, навеки в твоём распоряжении.

И с блестящими глазами он и Сцевола вышли из комнаты.

– Префект Рима, – сказал тогда Сильверий, – ты знаешь, я был честолюбив и стремился захватить в свои руки не только духовную власть, но я светскую. С этой минуты я отказываюсь от последней. Ты будешь вожаком, я повинуюсь тебе. Обещай только свободу римской церкви – свободное избрание папы.

– Конечно, конечно, – ответил Цетег.

Священник вышел с улыбкой на губах, но с тяжелым гнетом на сердце.

«Нет, – подумал Цетег, глядя вслед уходящим, – нет, не вам низвергнуть тирана, – вы сами в нем нуждаетесь!»

Этот день, этот час был решающим в жизни Цетега; почти помимо воли он был поставлен в такое положение, о котором даже никогда не думал, которое иногда представлялось его уму только в формах смутных, туманных мечтаний. Он увидел себя в эту минуту полным господином обстоятельств: обе главные партии – готская партия и враги его, заговорщики катакомб – были в его руках. И в груди его вдруг со страшной силой проснулась страсть, которую он уже более десяти лет считал угасшей, – страсть, потребность повелевать, быть первым, силой своего ума и энергии побеждать все противодействующие обстоятельства, подчинять всех людей. Этот давно уже ко всему равнодушный, холодный как лед, человек, почувствовал вдруг, что и для него еще может в жизни найтись цель, ради которой можно отдать все силы и даже жизнь, и эта цель – быть императором Западной империи, императором римского мира.

Несколько месяцев назад, когда Сильверий и Рустициана почти против его желания привлекли его к участию в заговоре, эта мысль, точно мечта, тень, пронеслась в уме его. Но тогда он только засмеялся над нею: он – император и восстановитель римского мирового государства! А почва Италии дрожит под ногами сотен тысяч готов, и на престоле в Равенне прочно сидит Теодорих, самый великий из королей варваров, слава которого наполнила весь мир. И если бы даже удалось сломить власть готов, то два государства – народ франков и Византии – тотчас протянули бы свои жадные руки за этой богатой добычей; два государства против одного человека! Потому что он действительно стоял одиноко среди своего народа. Он хорошо знал и глубоко презирал своих соотечественников, этих недостойных потомков великих предков.

Как смеялся он над грезами Лициния, Сцеволы и им подобных, которые хотели восстановить времена республики с такими людьми!

Да, он был одинок. Но это-то и привлекало гордого честолюбца; и теперь, в ту минуту, когда три заговорщика уходили от него, мечты, которые раньше смутно проносились в его голове, обратились в твердую решимость. Скрестив руки, быстро ходил он взад и вперед по комнате, точно лев в клетке, и говорил сам с собой:

«Да, имея за собою сильный народ, было бы нетрудно прогнать готов и не допустить франков и греков. Это мог бы сделать и другой. Но выполнить это громадное дело одному, совершенно одному, с людьми без ума и воли, которые больше мешают, чем помогают, – одному обратить этих рабов в римлян, во властелинов земли, – это цель, ради которой стоит

потрудиться. Создать новый народ, новое время, новый мир, одному, совершенно одному, только силой ума и воли, – этого не совершил еще ни один смертный. Да, Цетег, вот цель, для которой стоит жить и умереть. Уже одно стремление к такой цели делает бессмертным, и упасть с такой высоты – прекрасная смерть. Итак, за дело; с этой минуты – все мысли, все чувства посвящу ему. Благо мне, – я снова знаю, зачем живу!»

Глава 2

И Цетег принялся за дело. Чтобы повелевать Италией, сделаться ее императором, – необходимо привлечь на свою сторону Рим, и префект легко достиг этого: высшее сословие почитало его, как главу заговорщиков. Над духовенством он властвовал через Сильверия, который был правой рукой папы и имел полное основание ожидать, что по смерти этого больного старика сам будет избран его преемником. Низший класс он привлек частью своей щедростью, – часто раздавая хлеб, устраивая любимые зрелища, – но еще больше величественными предприятиями за счет готского правительства, которые доставляли постоянную работу многим тысячам населения. Работы эти имели целью укрепить «вечный город», возобновить полуразвалившиеся от времени стены его и рвы. Он сам составил прекрасный план этих укреплений и сам лично следил за тем, чтобы он был выполнен в точности.

Но для борьбы с готами и Византией недостаточно было только укрепить город, – надо было иметь и защитников его, солдат. При Теодорихе римляне не принимались в войска, а в последнее время, после казни Боэция и Симмаха, им было запрещено даже иметь оружие. Конечно, Цетег не мог надеяться, чтобы Амаласвинта, вопреки ясно выраженной воле своего великого отца и в ущерб готам, разрешила ему набрать войско из римлян. Но он нашел исход: попросил, чтобы она разрешила ему набрать самый незначительный отряд – всего в две тысячи человек – из римлян. Такой отряд, понятно, не мог бы быть опасным для власти готов. Но римляне были бы так глубоко благодарны ей за эту тень доверия к ним, за этот намек на то, что и они принимают участие в защите Рима. Получив это разрешение, префект набрал две тысячи воинов, снабдил их прекрасным оружием и, как только они научились владеть им, отпустил их, а на их место набрал другие две тысячи, которые также, как только научились владеть оружием, были заменены новыми. Каждый раз отпускаемые люди получали «на память» полное вооружение, которое покупалось за счет префекта. Таким образом, хотя налицо в Риме было всегда только две тысячи воинов из римлян, но префект мог в любую минуту иметь большое, хорошо вооруженное и обученное войско, которое притом было вполне предано ему, потому что все знали, что префект на свой счет покупает им вооружение и удваивает жалованье.

В то же время он поддерживал сношения и с Византией: старался обеспечить себе на случай нужды ее помощь. Но вместе с тем заботился о том, чтобы византийское войско не было настолько сильным, чтобы победить самих римлян или остаться в Италии против его воли.

С другой стороны он всеми силами старался ослабить могущество готов: он уверял правительство в полной безопасности и тем усыплял его бдительность. Поддерживал борьбу партий среди готов. А партий у них было достаточно. Самой сильной была партия могущественных Балтов, во главе которых стояли три герцога: Тулун, Ибба и Питца. Мало уступали Балтам Вользунги, во главе которых стоял герцог Гунтарис и граф Арагад. Много было и других, которые неохотно уступали первенство Амалам. Кроме того, многие были недовольны тем, что престол занят ребенком, за которого правит женщина. Наконец была сильная партия недовольных долгим миром, скучавших без войны. Были также готы, недовольные мягким отношением правительства к римлянам. И только очень небольшое число лучших, самых благородных из готов поддерживало правительницу в ее стремлении поднять умственный уровень народа до высоты римлян.

Цетег старался, чтобы Амаласвинта осталась во главе государства, потому что при ее слабом, женском управлении недовольство и дробление на партии должно было увеличиться, а сила народа – падать. Больше всего боялся он, что во главе готов станет какой-либо энергичный, сильный человек, который сумеет объединить силы этого народа. Вот почему его иногда сильно заботили вспышки самостоятельности со стороны Аталариха, и он решил, что, если вспышки эти будут повторяться часто, необходимо будет устранить его с дороги.

На Амаласвинту он имел теперь безграничное влияние. Эта женщина, богато одаренная, с громадным честолюбием, хотела показать, что она может управлять государством не хуже самого способного мужчины. Это желание было в ней развито до болезненности. У Теодориха не было сына, и ей часто еще в детстве приходилось слышать из уст отца и его приближенных сожаление о том, что у короля нет наследника-сына. Девочку оскорбляло то, что ее не считали способной носить корону, и горько плакала княжна о том, что она – не мальчик.

Шли годы, она росла. Все при дворе удивлялись ее необыкновенными способностям, чисто мужскому уму, мужеству, – и это не была лесть: Амаласвинта действительно была одарена необычайно. Но жалобы отца о том, что у него нет сына, все не прекращались и по-прежнему оскорбляли ее. Но теперь она уже не плакала, а поставила себе целью показать, что женщина может заменить мужчину. Брак ее с герцогом Эвтарихом, одним из Амалов, не был счастлив: княгиня не любила своего мужа и крайне неохотно подчинялась ему, хотя он был очень даровитый человек. Но он рано умер. Оставшись вдовой, она вздохнула свободно и стограла от честолюбия: после смерти своего отца она будет опекуншей своего сына и правительницей государства. В ожидании власти эта холодная женщина почти спокойно перенесла даже смерть отца.

За управление государством она принялась с величайшим рвением и неутомимой деятельностью: ей все хотелось делать самой, одной. Она не выносила ничьего совета, отдалила даже преданного Кассиодора. Только одного человека слушала она охотно, одному только доверяла – Цетегу. Он постоянно удивлялся ее мужскому уму и, кажется, не осмеливался даже подумать о том, чтобы влиять на нее. Все его старания были, по-видимому, направлены только на то, чтобы в точности исполнять ее распоряжения, планы. Ей и в голову не приходило, что хитрый римлянин умел всегда устроить так, что его мысли и желания она считала своими. Под его влиянием она отдалила от двора знатных готв, друзей своего отца, и окружила себя греками и римлянами. Деньги, назначенные на приобретение военных кораблей, лошадей и вооружения для войска, она употребляла на укрепление и украшение Рима, – словом, под его влиянием она все более отдалялась от своего народа, делала свое управление все более ненавистным и тем ослабляла силу государства.

Глава 3

Но, чтобы поддержать свое влияние на королеву, Цетег должен был часто бывать при дворе, а это вредило его делам в Риме. Поэтому он решил поместить при дворе кого-нибудь из преданных ему людей, кто бы слепо подчинялся ему, действовал всегда в его пользу и сообщал ему все, что бы ни случилось при дворе. Наиболее подходящей в этом случае личностью была Рустициана, вдова Боэция. Убедить королеву дозволить ей жить при дворе было легко. Гораздо труднее было уговорить Рустициану принять эту милость. Долго все старания Цетега в этом отношении были напрасны, пока наконец ему не помог случай.

До казни своего отца и мужа Рустициана жила при дворе в Равенне. Дочь ее Камилла провела там все свое детство. Когда Боэций был казнен, семья его подверглась преследованию: два сына его, Северий и Аниций, были заключены в тюрьму и приговорены к казни. Но потом Теодорих заменил казнь изгнанием, и они уехали в Византию, где старались вооружить императора против готов. А Рустициана с Камиллой бежали в Галию, где жили у одного из друзей казненного. Потом они получили позволение возвратиться в Италию, но все имущество их было отобрано в казну. Они поселились вблизи Рима, в дома бывшего своего вольноотпущенного Корбулона.

Наступило лето. Все состоятельные жители города выехали на дачи, Рустициана же должна была оставаться в душной, тесной городской квартирке, – о даче ей и думать было нечего. Но вот однажды Корбулон является к ней и в замешательстве говорит, что ему удалось купить за очень дешевую цену маленькую дачку в горах. Конечно, этот крошечный домишко нельзя сравнивать с роскошными дачами, которыми владела раньше его госпожа. Но все же там нет пыли, и воздух в горах такой свежий, чистый, а около домика есть несколько деревьев и сад, где можно посадить цветы. И он думает, что госпоже будет приятнее провести лето там, чем в душном, пыльном городе. Рустициана и дочь ее были очень тронуты вниманием этого простого человека и обрадовались возможности подышать свежим воздухом. В тот же день они собрались и отправились. Камилла ехала впереди, верхом на муле, Корбулон вел животное за повод. Они подъехали уже к горе, на склоне которой стоял домик, – оставалось только подняться на эту лесистую вершину, и маленькая дачка будет видна, как на ладони.

Добрый старик заранее представлял себе, как обрадуется дочь его госпожи, когда он укажет ей домик. Вот они уже и на вершине горы, но... что это? Корбулон сначала в смущении протер себе глаза, потом растерянно оглянулся кругом, точно желая убедиться, что он не заблудился. Но нет: вот на опушке леса стоит огромная статуя Терминуса, древнего бога границ. А вправо от него должен быть купленный им домик и две грядки капусты и репы подле него. А между тем, ни домика, ни капусты нет. Вместо них расстилается чудный парк, с роскошными клумбами чудных цветов, с прекрасными статуями, фонтанами, беседками. Дом есть, но он так же мало походит на тот, что купил Корбулон, как эти чудные клумбы – на его грядки репы и капусты. И откуда все это взялось?

Камилла же в восторге вскричала:

– О Корбулон, да ведь этот сад устроен совершенно так же, как при дворце в Равенне, только он меньше! Какая прелесть!

И она погнала мулу. Подъехав к дому, она быстро обежала аллеи сада, клумбы, – и чем ближе она осматривала его, тем более находила всюду сходства с громадным садом при дворце в Равенне. В доме она заметила то же сходство с квартирой, которую они занимали, когда жили во дворце. Особенно ее комната: те же занавесы, та же мебель, картины, статуэтки, вазы. Какая прелесть и какое приятное воспоминание!

– О Корбулон, как мог ты построить все это? – спросила она.

Но Корбулон ничего не понимал, – одно ясно, что здесь совершено колдовство!

– Вот идет хромой Коппадокс! Слава Богу, хоть он не околдован! Он все объяснит нам!.. Эй, Коппадокс, ступай скорее сюда, объясни, что тут было?

Хромой великан приблизился и, прерываемый частыми вопросами, рассказал:

– Несколько недель назад, когда ты, мой господин, прислал меня сюда, чтобы приготовить дом для матроны, явился однажды какой-то знатный римлянин с целой толпой рабов и рабочих и громадными телегами, нагруженными до верха. Он спросил меня, это ли та дача, которую Корбулон купил для вдовы Боэция, и когда я ответил: «эта», он заявил, что он – главный смотритель садов в Равенне, что один знатный римлянин, старый друг Боэция, желает позаботиться о семье казненного и поручил ему устроить и украсить эту дачу. Но, опасаясь преследования со стороны тирана, друг этот не хочет открывать своего имени. И вслед затем закипела работа. Он скупил все ближайшие участки земли, развел сады, вырыл пруд, устроил фонтаны, беседки, выстроил дом. Я сначала боялся, думая: «а что, если за все это придется расплачиваться моему господину? Несдобровать мне тогда!» И несколько раз хотел я дать тебе знать, что тут делается. Но римлянин частью лаской, частью силой не пускал меня отсюда, говорил, что все это должно быть сюрпризом для матроны. И только три дня назад все работы были окончены, он отпустил работников и сам уехал, щедро расплатившись за все. А теперь, господин, вот что я скажу тебе, – добавил раб, – конечно, ты можешь меня наказать или запереть в тюрьму. Можешь велеть высечь плетями. Ты все можешь. Потому что ты ведь господин, а я раб. Но подумай, справедливо ли было бы это? Ты оставил меня смотреть за парой грядок капусты и репы, а под моей рукой выросла такая прелесть.

Слезы благодарности выступили на глазах двух женщин, когда они выслушали рассказ: «О, есть еще благородные люди на земле! Есть еще друзья у семьи Боэция!» И горячая молитва за неизвестного друга вырвалась из глубины их душ.

Целые дни Камилла проводила на воздухе. Часто, не довольствуясь садом, она в сопровождении Дафнидионы, молоденькой дочери верного Корбулона, уходила в лес, который тянулся за садом. Однажды девушки зашли дальше обыкновенного. День был нестерпимо жаркий, и их начала мучить жажда. Вода была холодная и чистая, но вытекала такой тоненькой струйкой, что было трудно собрать ее столько, чтобы утолить жажду.

– О как жаль прекрасной влаги! – вскричала Камилла. – Вот если бы ты видела, как прелестно устроен источник в саду Равенны! Струя вытекает из бронзовой головы Тритона, бога моря, и собирается в широкий бассейн из темного мрамора. А здесь, как жаль! Чудная влага пропадает.

Через несколько дней девушки снова отправились в лес и подошли к месту, где был источник. Вдруг Дафнидиона, громко вскрикнув, остановилась и в ужасе молча указала рукой на место, где был источник. Камилла взглянула и также остановилась в изумлении: струя вытекала из бронзовой головы Тритона, и вода собиралась в широком бассейне из темного мрамора. Суеверная Дафнидиона ни минуты не сомневалась, что это дело лесного духа. Поэтому, закрыв лицо руками, чтобы не увидеть духа, так как это было дурным предзнаменованием, опрометью бросилась бежать домой. Но Камилла не верила в существование духов. «Конечно, кто-нибудь подслушал мои слова, когда мы здесь гуляли последний раз, – подумала она. – Но в таком случае, этот человек должен быть и теперь где-нибудь поблизости, чтобы увидеть, какое впечатление произведет на нас его сюрприз». И с этою мыслью она внимательно огляделась. Ветви одного из соседних кустов чуть заметно колыхались, Камилла бросилась туда. В эту минуту из куста вышел юноша.

– Я открыт, – в смущении сказал он тихим голосом.

– Аталарих! Король! – вскричала Камилла в испуге. Целый рой мыслей пронесся в ее голове и сердце, и она почти без сознания опустилась на траву. Молодой король с испугом и восхищением смотрел на нее, и яркая краска залила его бледное лицо.

– Теперь бы умереть! – прошептал он, – тут, подле нее!..

В это мгновение Камилла пошевелила рукою. Это движение привело короля в себя. Он зачерпнул воды из мраморного бассейна и смочил виски девушки. Та открыла глаза, быстро оттолкнула руку короля и с громким криком: – Варвар! Убийца! – вскочила и бросилась бежать. Аталарих не последовал за нею. «Варвар, убийца!» – со страшной болью повторил он и закрыл лицо руками.

Глава 4

Со страшными рыданиями бросилась Камилла к матери и рассказала ей свои открытия: не было сомнения, дачу устроил он же, этот сын убийцы ее отца. Нетрудно было также понять, и почему сделал он это: он любил ее. Самые разнородные чувства боролись в душе девушки.

Она росла во дворце Теодориха. Целые дни девочка проводила вместе с бледным, красивым маленьким Аталарихом, который был всегда так ласков с ней, так весело играл и рассказывал такие чудные истории. Дети были очень дружны и привязаны друг к другу. Проходили годы. Дети обратились в молодых людей, и детская дружба постепенно и незаметно начала переходить в иное, более горячее чувство. Но тут разразился удар над Боэцием. Его казнили, семью его лишили имущества и сослали. Все окружавшие ее теперь – мать и друзья – ненавидели варвара-тирана и всю его семью, и говорили только о мести. Под влиянием этих толков и тоски по отцу, Камилла также стала ненавидеть Теодориха и его внука Аталариха.

И вот этот ненавистный враг, потомок проклинаемого ею рода, на котором лежала кровь ее мученика-отца, – он осмеливается выказывать ей свою любовь. Тиран Италии осмеливается надеяться, что дочь Боэция...

Рустициана, узнав, в чем дело, также страшно взволновалась и тотчас пригласила Цетегу.

– Скажи же, что нам делать теперь? – спросила она, рассказав ему все, – как спасти мое дитя? Куда везти ее?

– Куда? – ответил Цетег, – в Равенну, ко двору.

– И ты можешь так зло шутить в такую минуту? – вскричала вдова.

– Я не шучу. Слушай. Ты знаешь, что на королеву я имею безграничное влияние, она вполне в моей власти. Но с этим мальчишкой – сам не понимаю, почему – я ровно ничего не могу поделать. Изо всех готов он один, если не видит меня насквозь, то подозревает и не доверяет мне. И часто, очень часто он мешает мне действовать, – его слова, конечно, влияют на его мать, и часто влияют сильнее, чем мои доводы. И чем дальше, тем он будет, конечно, опаснее, потому что становится старше, сильнее и умнее. Он и теперь умен не по летам. Так вот, видишь ли, до сих пор никто из нас не мог еще справиться с этим мальчишкой. Теперь же, благодаря его любви к Камилле, мы через нее будем управлять и им:

– Никогда! – вскричала с негодованием Рустициана. – Пока я жива – никогда!.. Я – при дворе тирана! Моя дочь, дочь Боэция – любовница Аталариха! Да его окровавленная тень...

– Хочешь отомстить за эту тень? Хочешь уничтожить готов? Ну, так не раздражай меня и делай, что тебе говорят. Ведь не о себе же я хлопочу, не за себя хочу мстить: мне не сделали ничего дурного. Ты же сама вытасила меня из моего уединения, упростила стать во главе заговора, уничтожить Амалов. А теперь ты раздумала? Не хочешь? Ну, прощай, я возвращаюсь к своим книгам.

– Подожди, не уходи. Дай мне опомниться. Ведь это так ужасно – пожертвовать Камиллой!

– Кто же тебе говорит, что Камилла будет жертвой! Не она, а сам Аталарих. Камилла должна не любить, а только властвовать над ним. Или боишься за сердце твоей дочери? – прибавил он, пристально взглянув на вдову.

– Моя дочь! Полюбить его! Да я собственными руками задушила бы ее!

– Хорошо, – задумчиво ответил префект. – Я сам поговорю с ней.

И он прошел в комнату Камиллы. Девушка с детства привыкла находить в нем защитника и помощника. Поэтому и теперь, увидя его, быстро встала ему навстречу и доверчиво заговорила:

– Ты знаешь, вероятно, все. И пришел помочь нам?

– Да, я пришел помочь тебе отомстить.

– Отомстить! – вскричала девушка. – Но как же?

До сих пор Камилла плакала, думала о бегстве отсюда, но мысль о мести не приходила ей в голову. Теперь же вся кровь вскипела в ней: месть, месть за смерть отца, за оскорбление, нанесенное ей! И глаза ее заблестели.

– Слушай. Ни одной женщине в мире не сказал бы я того, что теперь скажу тебе. Слушай: в Риме составилась сильный заговор против господства варваров. Меч занесен уже, и теперь отечество, тень твоего отца призывают тебя, чтобы опустить его на голову тирана.

– Меня? Я должна мстить за отца? Говори же скорее, что надо делать.

– Надо принести жертву.

– Все, что хочешь, свою кровь, жизнь! – вскричала девушка.

– Нет, ты должна жить, чтобы наслаждаться победой. Слушай: король любит тебя. Ты должна ехать в Равенну, ко двору, и погубить его. Мы все не имеем никакой власти над ним. Только ты, в силу этой любви, можешь управлять им. И этой властью ты воспользуешься, чтобы отомстить за себя и отца и погубить его.

– Его погубить! – странно тихо сказала Камилла, и голос ее задрожал, а на глазах заблестели слезы. Префект молча взглянул на нее.

– Извини, – холодно сказал он наконец. – Я не знал, что дочь Боэция любит тирана. Я ухожу.

– Что? Я люблю его? – с болью вскричала Камилла. – Как ты смеешь говорить это! Я его ненавижу, ненавижу так, как я никогда даже не подозревала, что могу ненавидеть.

– Докажи!

– Хорошо. Он умрет. Завтра... нет, сегодня же мы поедем в Равенну.

«Она его любит, – подумал префект. – Но это не беда, она еще не сознает этого».

Глава 5

Несколько недель уже Рустициана с дочерью живет при дворе. Но Камилла ни разу еще не видела короля. Он был сильно болен. Несколько недель назад он ездил охотиться в горы, и однажды приближенные нашли его без чувств у источника. Его привели в чувство, привезли домой. Но он тяжело заболел. Теперь, говорят, ему лучше, но врачи все еще не позволяют ему выходить из комнаты.

В чувствах Камиллы по отношению к королю постепенно произошла перемена: ненависть, жажда мести начала постепенно смягчаться жалостью к больному. Живя при дворе, ей часто приходилось слышать, с каким терпением он выносит тяжелую болезнь, как благодарен за малейшую услугу, как благородно кроток. И в сердце ее оживала привязанность. Но она старалась заглушить ее воспоминанием о казни отца. А когда сердце подсказывало ей, что несправедливо взваливать чужую вину, – ведь не он, а его дед казнил Боэция, – она сама возражала: а почему он не помешал злодейству?

В этой борьбе разнородных чувств проходили дни, недели. Однажды Камилла проснулась на рассвете. В комнате было душно, а на дворе так прохладно, хорошо. Она встала и пошла в сад. Там на берегу стоял полуразрушенный храм Венеры. Мраморные ступени храма спускались почти к самому берегу моря. Туда и направилась Камилла. Но, подойдя к лестнице, она увидела там Аталариха. Он сидел на ступени и задумчиво смотрел на море. Встреча была так неизбежна, что девушка, растерявшись, остановилась. Король, увидя ее, также смутился в первую минуту, но тотчас овладел собою и спокойно заговорил, вставая:

– Извини, Камилла, я не мог думать, чтобы ты пришла сюда в это время. Я сейчас уйду, только не выдавай меня: моя мать и врачи зорко наблюдают за мной, так что днем мне невозможно уйти от них. А я чувствую, как мне полезен морской воздух. Он так освежает, укрепляет. Прощай же, я знаю, что ты не выдашь меня.

И он начал спускаться со ступеней.

– Нет, король готов. Остайся. Я не имею ни права, ни желания мешать тебе. Я уйду.

В эту минуту над морем взошло солнце, и лучи его образовали на гладкой, как зеркало, поверхности воды широкую золотую дорогу, залили развалины храма и статуи на лестнице.

– О Камилла, – вскричал король, – взгляни, какая прелесть! Помнишь, как мы в детстве играли здесь, мечтали и воображали, что эта золотая дорога из солнечных лучей на море ведет к островам блаженных.

– Да, к островам блаженных! – повторила Камилла, удивляясь, с какой легкостью он отдалял воспоминание о их последней встрече.

– А знаешь – продолжал король, – я должен повиниться перед тобой.

Камилла покраснела: вот теперь он заговорит об украшении дачи, об источнике. Но Аталарих спокойно продолжал:

– Помнишь, как часто спорили мы в детстве о том, чей народ лучше. Ты превозносила римлян и их героев, я – своих готов. А когда блеск твоих героев грозил затмить моих, я смеялся и говорил: «А все таки настоящее и живое будущее принадлежит моему народу». Теперь я не скажу этого. Ты победила, Камилла.

– А, ты осознал, что твой народ не может сравниться с нами.

– Мы уступаем вам только в одном: в счастье. Мой бедный, прекрасный народ! Мы забрались сюда, в чуждый нам мир, в котором не сможем укрепиться. Мы подобны чудному цветку с вершины Альп, который занесен бурей вниз, на пески долины. Он не сможет укорениться там. Так и мы здесь завянем и умрем.

И он с тоской смотрел вдаль, на море.

– Зачем же вы пришли сюда? – резко спросила Камилла. – Зачем вы перебрались через эти горы, которые Господь поставил, как вечную преграду между вами и нами?

– Зачем? – повторил Аталарих, не глядя на девушку, а как бы про себя. – А зачем мотылек летит на яркое пламя? Оно жжет, но боль не удерживает мотылька и он снова и снова возвращается, пока это пламя не пожрет его. Совершенно то же с моими готами. Оглянись кругом: как прекрасно это темно-синие небо, это чудное море, а там дальше – величественные деревья, и среди них, залитые солнцем, блестят мраморные колонны! А еще дальше, на горизонте, громоздятся высокие горы, а на море зеленеют чудные островки. И надо всем этим мягкий, теплый, ласкающий воздух, который все освежает. Вот те чары, которые вечно будут привлекать и погубят нас.

Глубокое волнение короля передалось и Камилле. Но она не захотела поддаться ему и холодно ответила:

– Целый народ не может поддаться чарам вопреки рассудку.

– Может! – вскричал король с такой страстью, что девушка испугалась. – Говорю тебе, девушка, что целый народ, как и отдельный человек, может поддаться безумной любви, какой-нибудь сладкой, но губительной мечте. Может, Камилла. В сердце есть сила, которая действует на нас гораздо сильнее, чем рассудок, и часто ведет нас к заведомой гибели. Но ты этого не понимаешь, и дай Бог, чтобы никогда ты не испытывала этого. Никогда! Прощай.

И он быстро повернулся и пошел во дворец. Камилла несколько минут смотрела ему вслед, а затем, задумавшись направилась домой.

Глава 6

После этого утра молодые люди виделись ежедневно. Врачи разрешили королю гулять, и каждый вечер он несколько часов проводил в обширном саду. Сюда же выходила и Рустициана с дочерью. Вдова большею частью оставалась с Амаласвинтой, а молодые люди, разговаривая, уходили вперед. Амаласвинта видела, что сын ее все сильнее привязывается к Камилле. Но она не препятствовала этому, напротив, была даже рада ее влиянию, так как Аталарих теперь стал гораздо спокойнее и мягче с нею, чем был раньше.

Камилла чувствовала, как ее злоба и ненависть к королю ослабевали с каждым днем. С каждым днем она яснее понимала благородство его души, его глубокий ум и поэтическое чувство. С большим усилием заставляла она себя смотреть на него, как на убийцу своего отца. И все громче говорило в ней сомнение: справедливо ли ненавидеть Аталариха только за то, что он не помешал казни, которую вряд ли мог бы предотвратить. Давно уже ей хотелось откровенно поговорить с ним, высказать ему все. Но она считала такую откровенность изменой своему отцу, отечеству и собственной свободе, и молчала, но чувствовала, что с каждым днем все сильнее привязывалась к нему, что его присутствие стало уже необходимым для нее.

Аталарих же ни одним звуком, ни одним взглядом не обнаруживал своего чувства.

Даже Рустициана и Цетег, которые зорко наблюдали за ним, были поражены его холодностью. Цетег выходил из себя. Рустициана была спокойна.

– Подожди, – говорила она Цетегу, – подожди еще несколько дней, и он будет в наших руках.

– Да, пора бы уже действовать. Этот мальчишка принимает все более повелительный тон. Он не доверяет уже ни мне, ни Кассиодору, ни даже своей слабой матери. Он вступил в сношение с опасными людьми: со старым Гильдебрандом, Витихисом и их друзьями. Он настоял, чтобы государственный совет собирался не иначе, как в его присутствии. И на этих совещаниях он уничтожает все наши планы. Да, так или иначе, но это надо кончить.

– Говорю тебе, потерпи еще всего несколько дней, – успокаивала его Рустициана.

– Да на что ты надеешься? Уж не думаешь ли ты поднести ему любовный напиток? – улыбаясь, спросил он.

– Да, именно это я и думаю сделать и только жду новолуния; иначе он не подействует.

Цетег с удивлением взглянул на нее.

– Как, вдова Боэция верит такому вздору! – вскричал он наконец.

– Смейся, сколько хочешь, но сам увидишь его действие.

– Но как же ты дашь ему напиток? Безумная, ведь тебя могут обвинить в отравлении!

– Не бойся. Никто ничего не узнает. Врачи велели ему выпивать каждый вечер после прогулки стакан вина, к которому подмешивают какие то капли. Этот стакан ставят обыкновенно вечером на стол в старом храме Венеры. Я туда и волью напиток.

– А Камилла знает об этом?

– Храни Бог! Не проговорись ей и ты: она предупредит его.

В эту минуту в комнату вбежала Камилла и со слезами бросилась к матери.

– Что случилось? – спросил Цетег.

– Ах, он никогда не любил меня! – вскричала Камилла. – Он относится ко мне с каким-то состраданием, снисходительностью. Часто замечала я на его лице выражение тоски, боли, точно я чем-то глубоко оскорбила его, точно он благородно прощает мне что-то, приносит жертву.

– Мальчишки всегда воображают, что они приносят жертву, когда любят.

– Аталарих вовсе не мальчик! – вскричала Камилла, и глаза ее загорелись. – Над ним нельзя смеяться!

– А? – с удивлением спросила Рустициана. – Так ты не ненавидишь больше короля?

– Ненавижу всеми силами души, – ответила девушка. – И он должен умереть, но смеяться над ним нельзя.

Через несколько дней весь двор был поражен новым шагом молодого короля к самостоятельности: он сам созвал государственный совет, – право, которыми раньше пользовалась Амаласвинта. Когда все собрались, король начал:

– Моя царственная мать, храбрые готы и благородные римляне! Нашему государству грозят опасности, устранить которые могу только я, король его.

Никогда еще не говорил он таким языком, и все в удивлении молчали. Наконец Кассиодор начал:

– Твоя мудрая мать и преданнейший слуга Кассиодор...

– Мой преданнейший слуга Кассиодор молчит, пока его король и повелитель не обратится к нему за советом, – прервал его король. – Мы очень, очень недовольны тем, что делали до сих пор советники нашей царственной матери, и считаем необходимым немедленно исправить их ошибки. До сих пор мы были слишком молоды и больны. Теперь уже чувствуем себя вполне способным приняться за дело и сообщаем вам, что с настоящего дня регентство отменяется, и мы принимаем бразды правления в собственные руки.

Все молчали. Никто не желал получить замечание, подобное тому, какое получил Кассиодор. Наконец, Амаласвинта, почти оглушенная этой внезапной энергией в сыне, заметила:

– Сын мой, но ведь годы совершеннолетия, по законам императора...

– Законами императора, мать, пусть руководятся римляне. Мы же – готы и живем по готскому праву: германские юноши становятся совершеннолетними с той минуты, когда народное собрание признает их способными носить оружие. Вот почему мы решили пригласить всех военачальников, графов и вообще всех свободных мужей нашего народа из всех провинций государства на военные игры в Равенну через две недели.

– Через две недели! – заметил Кассиодор, – но в такой короткий срок невозможно разослать приглашения.

– Это уже сделано. Мой старый оруженосец Гильдебранд и граф Витихис позаботился обо всем.

– Кто же подписал декреты? – спросила Амаласвинта, едва придя в себя.

– Я сам, дорогая мать. Надо же показать приглашенным, что я могу действовать самостоятельно.

– И без моего ведома? – продолжала регентша.

– Без твоего ведома я действовал потом, что ты бы ведь не согласилась, и тогда мне пришлось бы действовать без твоего согласия.

Все молчали, и король продолжал:

– Кроме того, мы находим, что нас окружает слишком много римлян и слишком мало готов. Поэтому мы вызвали из Испании наших храбрых герцогов Тулуна, Питцу и Иббу. Вместе с графом Витихисом эти три храбрых воина осмотрят все крепости, войска и корабли государства, позаботятся об исправлении всех недостатков в них.

«Необходимо тотчас спровадить их подальше», – подумал про себя Цетег.

– Дальше мы вызвали снова ко двору нашу прекрасную сестру Матасвинту. Она была изгнана в Тарент за то, что отказалась выйти за престарелого римлянина. Теперь она должна возвратиться, – этот лучший цветок нашего народа, – и украсить собою наш двор.

– Это невозможно! – вскричала Амаласвинта. – Ты нарушаешь права не только королевы, но и матери.

– Я глава семейства, – ответил король.

– Но неужели ты думаешь, сын мой, что готские военачальники признают тебя совершеннолетним?

Король покраснел, но, прежде чем успел ответить, раздался суровый голос подле него:

– Не беспокойся об этом, королева. Я учил его владеть оружием и говорю тебе: он может помериться с каждым врагом. А о ком старый Гильдебранд говорит так, того и все готы признают способным.

Громкие крики одобрения со стороны присутствующих готов подтвердили слова старика. Цетег видел, как все его планы рушатся. Он сознавал, что необходимо во что бы то ни стало поддержать власть регентши, не допустить, чтобы Аталарих стал самостоятелен. Но, прежде чем он решил вмешаться, король произнес:

– Префект Рима, Цетег!

Префект вздрогнул, но тотчас выступил вперед.

– Я здесь, мой король и повелитель, – ответил он.

– Не имеешь ли ты чего-либо важного сообщить нам из Рима? Каково настроение воинов там? Как относятся они к готам?

– Они уважают их, как народ Теодориха.

– Нет ли каких-либо оснований опасаться за спокойствие в городе? Не подготавливается ли там что-либо особенное? – продолжал допрашивать король.

– Нет, ничего, – ответил Цетег.

– В таком случае, ты или плохо знаком с настроением Рима. Неужели я должен сообщить тебе, что делается во вверенном тебе городе? Рабочие на твоих укреплениях поют песни, в которых смеются над готами, надо мною. Твои воины во время военных упражнений произносят угрожающие речи. По всей вероятности, образовался обширный заговор, во главе которого стоят сенаторы, духовенство. Они собираются по ночам в неизвестных местах. Соучастник Бозэция, изгнанный из Рима Альбин снова там и скрывается... знаешь ли где? В саду твоего дома.

Глаза всех устремились на Цетега, – одни в изумлении, другие с гневом, иные со страхом. Амаласвинта дрожала за своего поверенного. Он один остался совершенно спокоен. Молча, холодно, смотрел он в глаза королю.

– Защищайся же! – закричал ему король.

– Защищаться? Против пустой сплетни? Никогда.

– Тебя сумеют принудить.

Префект презрительно сжал губы.

– Принудить? – повторил он. – Меня можно убить по подозрению, – конечно, мы, итальянцы, знаем уже это по опыту. Но оправдываться я не стану: защита имеет значение лишь там, где действует закон, а не сила.

– Не беспокойся, с тобой поступят по закону. Выбирай себе защитника.

– Я сам буду защищать себя, – ответил префект. – Кто обвиняет меня?

– Я, – ответил голос, и вперед выступил Тейя. – Я, Тейя, сын Тагила, обвиняю тебя, Цетега, в измене государству готов. Я обвиняю тебя в том, что ты скрываешь в своем доме изменника Альбина, и наконец, в том, что ты хочешь предать Италию в руки византийцев.

– О нет, – ответил Цетег, – этого я не хочу. Докажи свои обвинения.

– Две недели назад я сам видел, как Альбин, закутанный в плащ, входил в твой сад. Я уже раньше два раза видел его по ночам, но не узнал. А на этот раз хорошо узнал его, хотя и не успел захватить.

– С каких это пор граф Тейя, комендант войска, исполняет по ночам обязанности шпиона? – с насмешкой спросил Цетег.

– С тех пор, как ему пришлось иметь дело с Цетегом, – спокойно ответил Тейя и затем продолжал, обращаясь к королю, – Хотя Альбину и удалось убежать, но он выронил вот этот список. Возьми его.

И он подал королю свиток. Тот просмотрел его.

– Это список имен знатнейших римлян. Против некоторых сделаны заметки, но условным шифром. Возьми, Кассиодор, разбери их. Ну, а ты, Цетег, признаешь ли теперь себя виновным? Нет? Во всяком случае, обвинение очень основательно. Ты, граф Витихис, сейчас отправишься в Рим, арестуешь означенных в этом списке лиц и произведешь тщательный обыск в их домах, и в доме префекта также. А ты, Гильдебранд, арестуешь префекта. Возьми у него оружие.

– Нет, – вскричал префект. – Я сенатор Рима и потому имею право, внося залог, остаться свободным до окончания дела. Я ручаюсь всем своим состоянием, что не сделаю шагу из Равенны за это время.

– О король, – умоляюще обратился к нему Гильдебранд, – не слушай его! Позволь мне задержать его!

– Нет, – ответил король. – С ним надо поступить по закону, без всякого насилия. Пусть идет. Ведь ему надо подготовиться к защите: обвинение было так неожиданно. Завтра в этот час мы сойдемся для суда.

Глава 7

– Нет сомнения, – говорил час спустя Кассиодор, сидя в комнате Рустицианы, – нет сомнения, что Аталарих – весьма опасный противник. Он вполне принадлежит готской партии, – Гильдебранда и его друзей. Он погубит перфекта. И кто бы мог подумать! Таким ли он был во время процесса твоего мужа, Рустициана?

Камилла насторожила внимание.

– Во время процесса моего мужа? Что же он делал тогда? – спросила вдова.

– Как? Разве ты не знаешь? Когда Теодорих присудил Боэция и сыновей его к казни, мы все – я, Амаласвинта и другие друзья его – все мы умоляли короля о помиловании и не отступали до тех пор, пока он наконец не рассердился и поклялся своей короной, что засадит в самую мрачную темницу того, кто осмелится еще хоть слово сказать о Боэции. Что же было нам делать? – мы замолчали. Да, все мы, взрослые мужи, испугались. Только Аталарих, тогда еще совсем ребенок, не испугался: он бросился к ногам разгневанного деда и плакал, и продолжал умолять пощадить его друзей. Теодорих исполнил угрозу: позвал стражу и велеть засадить внука в подземелье замка, а Боэция тотчас казнить. Целый день мальчик просидел в тюрьме. Наступил вечер. Король сел ужинать и не выдержал: подле него не было его любимца-внука. Он вспомнил, с каким благородным мужеством этот мальчик отстаивал своих друзей, забывая о себе. Долго сидел он, задумавшись, над своей чашей с вином. Наконец решительно отодвинул ее, встал, сам спустился в подземелье, открыл дверь темницы, обнял внука и по его просьбе пощадил жизнь твоих сыновей, Рустициана.

Камилла едва переводила дыхание во время рассказа. Теперь она быстро вскочила с места и бросилась из комнаты. «Скорее, скорее к нему!» – думала она.

Кассиодор также вскоре ушел. Рустициана осталась одна. Долго, долго сидела она, точно оглушенная: все, казалось ей, погибло. Ей не удастся отомстить!

Перед вечером к ней зашел Цетег. Он был холоден и мрачен, но спокоен.

– О Цетег! – вскричала вдова, – все погибло!

– Ничего не погибло. Надо быть только спокойным, – отвечал он. – И действовать быстро, не медля.

– Затем, окинув быстрым взглядом всю комнату и видя, что они одни, он вынул из кармана склянку и подал ее Рустициане.

– Твой любовный напиток слишком слаб, Рустициана. Вот другой посильнее. Возьми его. Вдова догадалась, что было в склянке, и со страхом взглянула на префекта.

– Бери скорей и не думай ни о чем. Сегодня же, слышишь, непременно сегодня король должен выпить это. Иначе все погибло, завтра будет уже поздно.

Но Рустициана все еще медлила и с сомнением смотрела на флакон.

Тогда перфект подошел к ней ближе и, положив руку ей на плечо, сказал:

– Ты медлишь? А знаешь ты, что теперь стоит на карте? Не только наши планы! Нет, слепая мать. Знай: Камилла любит, любит короля всеми силами молодой души. Неужели же дочь Боэция будет любовницей тирана?

Рустициана громко вскрикнула: последнее время она и сама подозревала это, слова префекта только подтвердили ее подозрения.

– Хорошо, – сказала она, сжимая флакон в руке. – Король выпьет его сегодня.

Префект, быстро простившись, вышел.

«Ну, принц, ты быстр, но я быстрее. Ты осмелился стать на моей дороге, – неси же и последствия». И он медленно пошел домой и весь день старался держаться в обществе, на виду у всех.

Перед вечером Камилла сидела на ступеньках храма Венеры. Теперь она уже не считала свою любовь к королю преступлением: разве можно его винить в смерти отца? Он сделал все, что было возможно для его спасения, сделал больше, чем другие. И братьев ее спас он же. Да, ей нечего стыдиться этой любви. Что ей за дело до того, что он гот, варвар?.. Он прекрасен, умен и благороден. Завтра же она объявит матери и префекту, что отказывается от мести, а затем сознается во всем королю и будет просить прощения у него. Он так великодушен, простить, а потом, потом... И девушка погрузилась в самые радужные мечты.

Глава 8

Вдруг она услышала быстрые шаги. Это был король. Но какая перемена: всегда опущенная голова высоко поднята, осанка мужественная, решительная.

– Здравствуй, Камилла, – весело вскричал он, увидя ее, – видеть тебя – лучшая награда после этого жаркого дня.

Камилла смутилась, покраснела.

– Мой король! – прошептала она.

Аталарих с радостным удивлением взглянул на нее: никогда еще не называла она его так, никогда и не смотрела так на него.

– Твой король? – повторил он. – Боюсь, что ты не захочешь так называть меня, когда узнаешь все, что произошло сегодня.

– Я знаю все.

– Знаешь? Так будь же справедлива, не осуждай меня. Право, я не тиран и люблю римлян, – ведь это же твой народ. Но я обязан охранять наше государство, создание моего великого деда. И я буду охранять его строго, неусыпно, и горе руке, которая посягнет на него! Конечно, – с грустью добавил он, – быть может, звезды осудили уже его, но я – его король и должен стоять или пасть вместе с ним.

– Ты говоришь истину, Аталарих, как подобает королю.

– Благодарю, Камилла. Как ты сегодня справедлива и добра! Но видишь ли, благо этого государства – для меня все. Ты ведь знаешь, чем я был: больным, заблуждающимся мечтателем. Но вот однажды я понял, что этому государству грозит опасность, понял, что я обязан охранять его. И я принялся за дело. И чем больше я трудился, тем сильнее привязывался к своему народу. И эта гордая, боязливая и бдительная любовь к готам укрепила мою душу, утешила меня... в другой, очень тяжелой потере. Что мое личное счастье – в сравнении с благом этого народа? И эта мысль, – видишь, – сделала меня здоровым и сильным, таким сильным, что, право, я мог бы теперь одолеть самого сильного врага. Меня мучит бездействие. Но взгляни, как чудно садится солнце! Море так тихо, и золотая дорога опять протянулась по нем. Поедем немного покататься в лодке, прошу тебя.

– На острова блаженных? – с улыбкой спросила Камилла.

– Да, к островам блаженных! – ответил король и, увлекая Камиллу, быстро вскочил в лодку, отомкнул серебряную цепь, которой лодка была прикована к набережной, и с силой оттолкнул лодку от берега. Легкая лодка быстро понеслась по гладкой поверхности залива.

Некоторое время оба молчали. Король, стоя, греб, о чем-то глубоко задумавшись. Камилла с восхищением любовалась его благородным лицом, освещенным лучами заходящего солнца.

Наконец король заговорил:

– Знаешь, о чем я думал теперь? Какое великое счастье – сильной рукой вести свое государство, свой народ к блеску и славе! А ты, Камилла, о чем думала?

Девушка покраснела и смешалась.

– Говори же, Камилла. Будь откровенна в этот чудный вечер. Ты смотришь так кротко, у тебя были добрые мысли.

– Я думала, как счастлива должна быть та женщина, которая может довериться сильной, верной руке любящего человека, который поведет ее через волны жизни.

– Да, Камилла, но верь мне, что и варвару можно доверяться.

– Ты не варвар, – горячо заговорила девушка. – Человек, который так благодарно мыслит, так великодушно действует, прощает самую черную неблагодарность, такой человек вовсе не варвар. Он нисколько не ниже любого Сципина.

– Камилла! – в восторге вскричал Аталарих: Камилла, не грежу ли я? Ты ли говоришь это? и мне?

– Я хочу сказать больше, Аталарих, – быстро продолжала девушка. – Я хочу просить у тебя прощения за то, я так жестоко отталкивала тебя. Ах, это была только стыдливость и страх... Но что это? Нас догоняют, мать, придворные.

Действительно, от берега отчалила лодка, в которой сидела Рустичиана с несколькими придворными. После ухода префекта вдова пошла искать свою дочь. В саду ее не было. Она подошла к храму Венеры, Камиллы не было и здесь. А на мраморном столике стояло вино, приготовленное для короля. Взгляд ее в эту минуту упал на море, и она увидела лодку, в которой дочь ее ехала наедине с королем. Вспомнив слова префекта, она в страшном гневе вбежала в храм и вылила в серебряную чашу с вином все содержимое флакона. Затем позвала людей, села в лодку и велела гребцам догонять лодку короля. Когда она спускалась со ступеней набережной, из-за угла вышла группа римлян, в среде которых был и перфект. Он подошел к ней и подал руку, помогая войти в лодку.

– Все сделано, – шепнула ему Рустичиана и велела отчаливать.

В эту именно минуту Камилла заметила ее и, рассчитывая, что король повернет судно, встала. Но Аталарих вскричал:

– Нет, нет! Я не позволю похитить у меня этот час, лучший в моей жизни. Нет, Камилла, ты должна договорить, высказать мне все. Поедем дальше, пристанем к тому острову. Там они не найдут нас.

И он с такой силой налег на весла, что лодка полетела стрелой. Вдруг сильный толчок остановил судно.

– Боже! – вскричала Камилла, вскакивая с места. – В лодке течь, мы погибнем!

Действительно, вода широкой струей вливалась в лодку со дна.

Король быстро осмотрелся.

– Ах, – страшно побледнев, воскликнул он, – это «Иглы Амфитриды». Да, мы погибнем.

«Иглами Амфитриды» назывались две остроконечные скалы, которые едва выдавались над поверхностью моря между берегом и ближайшим островком. Аталарих хорошо знал, где они находятся, и всегда легко обходил их. Но сегодня он засмотрелся в глаза девушки и забыл о скалах. Лодка с разгону ударилась об одну из них и получила пробоину Спасения действительно не было. Островок был, положим, уже не далеко, но доплыть туда с Камиллой он не мог. Удержаться на скале, пока подоспеет помощь с берега, тоже не было возможности: вершина скалы была так остра, что на ней птица не удержалась бы. Вода же прибывала быстро, – минуты через две-три лодка должна потонуть. Аталарих быстро сообразил все это.

Да, Камилла, ты должна умереть, – и я, я причиной этому!

– Умереть! Теперь! Нет, Аталарих, теперь я хочу жить, жить с тобою.

Эти слова, голос, которым они были сказаны, кольнули его прямо в сердце. Он с отчаянием осмотрелся еще раз, – но нет! Ничего нельзя сделать. Вода прибывала сильнее.

– Нет, милая, нет надежды. Мы погибли. Простимся поскорее.

– Прощаться?.. Нет? – решительно ответила Камилла. – Уж если мы должны погибнуть, то – прочь страх, который сдерживает живых! Я готова умереть с тобою, но прежде ты должен все знать, – как я люблю тебя давно уже, – всегда. Вся моя ненависть была только замаскированной любовью. Боже, я любила тебя даже тогда, когда думала, что должна ненавидеть, – и она покрывала быстрыми поцелуями его лоб, глаза, щеки. – А теперь пусть приходит смерть. Я готова. Но зачем же тебе умирать? Один, ты можешь доплыть до острова. Бросайся скорее в воду, спасайся, прошу тебя.

– О нет, – горячо вскрикнул Аталарих, – лучше умереть с тобой, чем жить без тебя. После такой долгой тоски я наконец узнал, что ты меня любишь, – и вдруг расстаться! Нет! С этого

часа мы принадлежим друг другу. Идем, Камилла, лодка уже начинает погружаться. Бросимся в море.

И, охватив ее, он занес уже ногу над бортом, как вдруг из груди обоих вырвался громкий крик радости: из-за узкой полоски земли, которая недалеко от них вдавалась в море, с быстротой молнии неслось судно прямо к ним. Несколько секунд, – и оба спасены. Это было небольшое сторожевое готское судно, которым командовал Алигерн, двоюродный брат Тейи. Он услышал крик, узнал короля и на всех парусах бросился на помощь.

– Благодарю, храбрые друзья, – сказал Аталарих, придя в себя. – Благодарю, вы спасли не только своего короля, но и королеву.

Матросы и солдаты с удивлением смотрели на него и Камиллу, которая плакала от радости.

– Да здравствует прекрасная молодая королева! – вскричал рыжебородый Алигерн, а за ним и вся команда.

В эту минуту судно проходило мимо лодки Рустицианы. Ее гребцы тоже видели, как лодка короля ударилась о скалу. Но они были еще далеко и, несмотря на все усилия, не могли вовремя поспеть на помощь утопавшим. Когда они объяснили это Рустициане, та без чувств упала на дно. Но громкие, восторженные крики солдат привели ее в себя. С удивлением оглядывалась она вокруг. Что это? Не грезит ли она? Действительно ли она видела Камиллу в объятиях короля? Действительно ли слышала крик: «Да здравствует королева!»

На берегу между тем собрались все знатные готы и римляне. Весть об опасности, которой подвергнулся король, быстро разнеслась по дворцу, и все бросились к берегу.

– Смотрите, готы и римляне! Вот ваша молодая королева! – обратился к ним Аталарих, стоя на ступенях храма. Бог смерти обручил нас, не правда ли, Камилла?

Она взглянула на него и вдруг страшно испугалась – Аталарих был бледен как мертвец, слегка качался, и с трудом дышал: волнения этого дня, быстрый переход от страха к радости были слишком сильны для едва оправившегося от болезни юноши.

– Ради Бога, скорее вина, доктора! – вскричала Камилла. – Король нездоров.

Она подбежала к столу, схватила чашу с вином и поднесла ему. Цетег, затаив дыхание, наблюдал за ним. Король поднес чашу к губам, но затем вдруг опустил и, улыбнувшись, обратился к Камилле.

– Ты должна пить первая, как это принято делать германским королевам.

И он протянул ей бокал. Она его взяла.

Префект вздрогнул. В первую минуту он хотел броситься и вырвать чашу из ее рук. Но остановился: сделай он это, он бы погиб бы безвозвратно: завтра его судили бы не только как изменника, а как отравителя. Он погиб бы, а вместе с ним – и все будущее Рима. И из-за чего? Из-за влюбленной девушки, которая изменнически перешла на сторону его смертельного врага.

– Нет, – холодно сказал он сам себе, сжимая кулаки. – Она – или Рим! Пусть гибнет она.

И он спокойно смотрел, как она отпила несколько глотков из чаши, а затем передала ее королю, который сразу осушил чашу до дна.

Вздвогнув всем телом, он поставил чашу на стол.

– Идем в замок. Мне холодно, – сказал он, закутываясь в белый плащ, и повернулся, чтобы идти. Тут взгляд его встретился с глазами Цетега.

– Ты здесь? – мрачно сказал он и сделал шаг к нему, но в эту секунду опять задрожал и, громко вскрикнув, упал.

– Аталарих! – вскричала Камилла и упала подле него.

Из среды слуг выскочил старый Корбулон.

– Помогите! – кричал он. – Помогите, король умирает!

– Воды! Скорее воды! – закричал Цетег и, быстро схватив пустой кубок, бросился с ним к бассейну, хорошенько выполоскал его, чтобы в нем не осталось ни капли вина, и затем принес его королю, который лежал теперь на руках Кассиодора, между тем как Корбулон поддерживал голову Камиллы.

Молча, в ужасе стояли кругом придворные.

– Что случилось? – раздался вдруг крик Рустицианы, которая только теперь вышла на берег и подбежала к дочери. – Дитя мое, что с тобою?

– Ничего, – спокойно ответил Цетег. – Только обморок. Но молодой король умер. Повторился припадок его прежней болезни.

Книга III. Амаласвинта

Глава 1

Всю ночь просидела Амаласвинта молча у гроба сына. Он был поставлен в обширной подземной комнате, низкие своды которой поддерживались колоннами из черного мрамора. Дневной свет никогда не проникал сюда. Теперь она освещалась факелами. Здесь всегда подготавливались к погребению трупы членов царской семьи. Посреди комнаты стоял каменный саркофаг с телом молодого короля. На нем была темно-пурпурная мантия. В головах лежал его меч, щит и шлем. Старый Гильдебранд положил венок из дубовых ветвей на темные кудри. Бледное лицо умершего было прекрасно в своем торжественном спокойствии. В ногах его, в длинном траурном одеянии, сидела высокая фигура королевы регентши, склонив голову на левую руку, правая же бессильно спустилась вниз. Она не могла больше плакать.

Утром в комнату вошел беззвучными шагами Цетег. Торжественность обстановки повлияла даже на него: в нем заговорило сострадание. Но он быстро подавил его. Тихо приблизившись, прикоснулся он к спущенной руке королевы.

– Ободришься, королева, ты принадлежишь живым, а не мертвым.

Амаласвинта с испугом оглянулась:

– Ты здесь, Цетег? Зачем ты пришел?

– За королевой.

– О, здесь нет королевы, здесь только убитая горем мать, – с рыданием вскричала она.

– Нет, я не могу поверить этому, – спокойно возразил Цетег. – Государству грозит опасность, и Амаласвинта покажет, что и женщина может пожертвовать своим горем отечеству.

– Да, это надо сделать. Но взгляни, как он прекрасен, как молод! Как могло небо быть так жестоко?

«Теперь или никогда», – подумал Цетег и громко прибавил:

– Небо не жестоко, а строго справедливо.

– Что хочешь ты сказать? Что сделал мой благородный сын? В чем смеешь ты обвинять его?

– Я? Я – ни в чем. Нет. Но в Св. Писании сказано: «Чти отца и мать твою и долголетен будешь на земле». Вчера Аталарих восстал против своей матери, оказал ей неуважение, – и вот сегодня он лежит здесь. Я вижу в этом перст Божий.

Амаласвинта закрыла лицо руками. Она от всего сердца простила уже сыну его неповиновение ей. Но слова Цетега сильно повлияли на нее и пробудили в ней стремление к власти.

– Ты повелела, королева, прекратить мое дело и вызвала Витихиса назад. Витихису, конечно, следует быть здесь. Но я требую, чтобы мое дело расследовалось публично. Это мое право.

– Я никогда не верила твоей измене, – ответила королева. – Скажи мне только, что ты не слыхал ни о каком заговоре, и на этом все будет кончено.

Цетег немного помолчал, а затем спокойно сказал:

– Королева, я знаю о заговоре и пришел поговорить о нем. Я нарочно выбрал этот час и это место, чтобы сильнее запечатлеть в твоём сердце доверие ко мне. Слушай. Я был бы дурным римлянином, и ты сама презирала бы меня, королева, если бы я не любил более всего на свете свой народ, этот гордый народ, который и ты, иностранка, тоже любишь. Я знал, – тебе ведь это также известно, – что в сердцах этого народа пылает ненависть к вам, как к

еретикам и варварам. Последние строгие меры твоего отца должны были еще более раздуть эту ненависть, – и я заподозрил существование заговора и действительно открыл его.

– И умолчал о нем?

– Да, умолчал. До нынешнего дня. Безумцы хотели призвать греков, изгнать при их помощи готов и затем признать власть Византии...

– Бесстыдные! – горячо возразила Амаласвинта.

– Глупцы! Они зашли уже так далеко, что оставалось только одно средство удержать их – стать во главе заговора, – и я так и сделал.

– Цетег!

– Да, ведь этим способом я получил возможность удержать этих, хотя и ослепленных, но все же благородных людей от гибели. Я убедил их, что план, если бы он даже и удался, привел бы только к замене кроткой власти готов тиранией Византии. Они поняли это, послушали меня, и теперь ни один византиец не ступит на эту землю, если только я или ты сама не позовешь их. И этих мечтателей тебе нечего бояться теперь, королева. Но существует другой, гораздо более опасный заговор, королева, заговор готов. Он грозит тебе, твоей свободе, власти Амалов. Вчера твой сын устранил тебя от власти. Но он был только орудием в руках твоих врагов. Ты знаешь ведь, что среди твоего народа есть много недовольных: одни считают свой род не ниже вас, Амалов, и неохотно подчиняются. Другие презирают владычество женщины.

– Я знаю все это, – с нетерпением прервала гордая женщина.

– Но ты не знаешь того, что теперь все эти отдельные партии соединились, – соединились против тебя и твоего правления, дружелюбного по отношению к римлянам. Они хотят низвергнуть тебя и подчинить своей воле, заставить удалить Кассиодора и меня, уничтожить наш сенат и все наши права, начать войну с Византией и наполнить эту страну насилиями, грабежом, притеснением римлян.

– Ты хочешь запугать меня! – недоверчиво возразила Амаласвинта: – все это пустые угрозы.

– А разве вчерашнее собрание было пустой угрозой? – возразил префект. – Разве, если бы само небо не вмещалось, – и он указал рукою на труп, – разве сегодня и я, и ты не были бы лишены власти? Была ли бы ты госпожой в твоем государстве, даже в твоем доме? Разве враги не усилились уже до такой степени, что этот язычник Гильдебранд, мужиковатый Витихис и мрачный Тейя выступили уже открыто против твоей власти, прикрываясь именем твоего сына? Разве они не возвратили ко двору этих трех бунтовщиков – герцогов Тулуна, Иббу и Питцу?

– Все это правда, совершенная правда! – со вздохом заметила королева.

– Знай, королева: если только эти люди захватят власть в свои руки, – тогда прощай наука, искусства, благородное воспитание! Прощай Италия, мать человечества! Погибайте в пламени, мудрые книги, разбивайтесь вдребезги, чудные статуи! Насилия и кровь затопят эту страну, и далекие потомки будут говорить: «Все это случилось в правление Амаласвинты, дочери Теодориха!»

– Никогда, никогда не будет этого. Но...

– Теперь ты видишь, что не можешь положиться на готов, если не захочешь допустить этих ужасов. Защитить себя от них можем только мы, римляне, к которым по духу принадлежишь и ты. Итак, когда эти варвары приступят к тебе со своими требованиями, позволь собраться вокруг тебя нам, тем самым людям, которые составляли заговор против тебя, этим римским патриотам. Позволь им защищать тебя и себя в то же время.

– Но Цетег, кто же поручится мне за их и за твою верность?

– Вот этот список, королева, и этот, – ответил префект, подавая ей два списка. – В первом ты видишь имена всех римских заговорщиков, видишь, – там несколько сот имен самых знатных римлян. А в другом – имена заговорщиков готов. Вот теперь я вполне в твоих руках. С этим списком ты можешь сегодня же уничтожить меня, можешь выдать в руки готов.

– Цетег, – ответила королева, просмотрев списки, – я никогда не забуду этого часа и твоей верности. – Глубоко тронутая, она протянула ему руку.

– Еще одно, королева, – продолжал префект. – Патриоты с этой минуты твои друзья, как и мои. Они знают, как ненавидят их готы, знают, что над головами их висит меч. Они боятся. Позволь убедить их в твоём покровительстве: поставь свое имя в начале этого списка, как доказательство твоей милости к ним.

И он протянул ей золотой карандаш. С минуту королева медлила, затем быстро взяла карандаш и написала свое имя.

– Вот, возьми. Пусть и они будут мне также верны, как и ты.

В эту минуту вошел Кассиодор.

– Королева, знатнейшие готы собрались и желают говорить с тобою, – сказал он.

– Сейчас иду, – ответила она. – Они сейчас узнают мою волю. А ты, Кассиодор, будь первым свидетелем твердого решения, которое я приняла этот ужасный час: префект Рима будет с этой минуты моим первым слугою, как самый преданный человек мне. Ему принадлежит самое почетное место как в моем доверии, так и у моего трона.

Она вышла из комнаты. Кассиодор последовал за нею, с удивлением глядя на нее. Префект же медленно поднял список высоко над головою и прошептал:

– Теперь ты в моих руках, дочь Теодориха. Твое имя во главе этого списка навсегда отделит тебя от твоего народа.

Глава 2

Внезапная смерть Алариха была тяжелым ударом для партии готских патриотов, потому что им вполне удалось привлечь молодого короля на свою сторону. Теперь же, с его смертью, опасность возросла, так как во главе управления осталась Амаласвинта, и ненавистные римляне, конечно, могли снова взять перевес во вред готам и государству. В виду этого предводители этой партии – Гильдебранд, Витихис, Тейя и другие знатные готы, всеми силами начали хлопотать о полном объединении отдельных партий готов и действительно добились этого. Цетег видел такое опасное для него усиление противников, но ничем не мог помешать этому, потому что в Равенне он был чужим человеком и не имел влияния. Чтобы сохранить за собою власть он придумал смелый план: увезти королеву – в крайнем случае даже силой – из Равенны в Рим, где он был всемогущ, так как и римское войско, и народ были вполне преданы ему. Амаласвинта с радостью согласилась на его предложение, так как в Равенне она чувствовала себя по смерти сына скорее пленницей, чем королевой, в Риме же надеялась повелевать свободно. Но как устроить этот переезд? Сухим путем от Равенны до Рима недалеко. Но все дороги между городами заняты войсками Витихиса, – а уж готы, конечно, не допустят переезда королевы в Рим.

Необходимо было ехать морем, и притом не на готском судне. Префект отправил гонца к своему другу Помпонию, начальнику римских судов, чтобы в назначенный день он на самом быстром корабле прибыл ночью в гавань Равенны. Гонец скоро возвратился с ответом Помпония, что тот исполнил приказание. Цетег совершенно успокоился.

Наступил назначенный день. Все уже готово было к бегству. Вдруг в полдень во двор дворца явилась огромная толпа готов с громкими криками торжества. Слышались угрозы, лязг оружия. Королева, префект и Кассиодор были в зале. Крики все приближались, вслед за тем раздался топот ног по лестнице, и в залу, оттолкнув стражу, ворвались три герцога Балты – Тулун, Ибба и Питца, а за ними Гильдебранд, Витихис, Тейя и еще какой-то человек громадного роста с темными волосами, которого префект не знал. Переступив порог залы, герцог Тулун обернулся назад и, повелительно махнув рукой, обратился к толпе, следовавшей за ними: – Обождите там, готы. Мы от вашего имени переговорим с королевой, и если она не согласится на наши условия, тогда мы позовем вас, – и вы уже знаете, что тогда надо делать.

Толпа с криками радости отступила и рассеялась по коридорам и комнатам дворца. Тогда герцог Тулун подошел к Амаласвинте.

– Дочь Теодориха, – начал он. – Твой сын призвал нас, но мы уже не застали его в живых. А ты, конечно, не особенно рада видеть нас.

– А если это знаете, – высокомерно сказала Амаласвинта, – то как же вы осмелились явиться нам на глаза, да еще ворваться сюда почти силой?

– Нужда заставила, благородная женщина. Нужда заставляет иногда поступать еще хуже. Мы принесли тебе требования нашего народа, которые ты должна исполнить.

– Что за язык! Да знаешь ли ты, кто стоит перед тобой, герцог Тулун?

– Дочь Амалангов, которую мы уважаем, даже когда она заблуждается и готовится совершить преступление.

– Мятежники! – вскричала Амаласвинта, величественно поднимаясь с трона. – Перед тобою твоя королева!

Тулун усмехнулся:

– Об этом, Амаласвинта, лучше молчи. Видишь ли, король Теодорих назначил тебя опекуницей твоего сына, – это было против права, но мы, готы, не противоречили ему. Он пожелал сделать этого мальчика своим наследником, – это не было разумно. Но мы и народ готов, мы уважаем кровь Амалангов и признали это желание короля, который был некогда мудр. Но

никогда не желал Теодорих, и никогда не согласились бы и мы, чтобы после того мальчика нами управляла женщина, чтобы прялка властвовала над мечом.

– Так вы отказываетесь признать меня своей королевой? – спросила Амаласвинта.

– Нет, не отказываемся, – ответил Тулун, – пока еще не отказываемся. Я сказал это только потому, что ты ссылаешься на свое право. А между тем ты этого права не имеешь и должна это знать. И вот, так как мы уважаем благородство твоей крови, и так как если бы в настоящее время мы лишили тебя короны, то в государстве могло бы произойти опасное разъединение, – то я предложу тебе условия, на которых ты можешь сохранить корону.

Амаласвинта страдала невыразимо, даже слезы выступили на ее глазах. Но она тотчас подавила их. С каким удовольствием предала бы она палачу эту гордую голову, осмелившуюся так говорить с нею. Но она была бессильна и должна была молча терпеть. Она только опустилась в изнеможении на трон.

– Соглашайся на все! – быстро шепнул ей Цетег. – Сегодня ночью придет Помпоний.

– Говори, – сказал Кассиодор, – но пощади женщину, варвар.

– Э, – засмеялся Питца: – да ведь она сама не хочет, чтобы к ней относились, как к женщине: она ведь – наш король!

– Оставь, брат, – остановил его Тулун, – в ней такая же благородная кровь, как и в нас.

И затем, обращаясь к Амаласвинте, начал:

– Во-первых, ты удалишь от себя префекта Рима, – он враг готов. Его место займет граф Витихис.

– Согласна! – вскричал сам префект, вместо королевы.

– Во-вторых, ты объявишь, что ни одно твое распоряжение, с которым не согласится граф Витихис, не будет иметь силы. Ни один новый закон не может быть издан без согласия народного собрания.

Регентша с гневом хотела возразить, но Цетег удержал ее:

– Сегодня ночью будет Помпоний, – прошептал он ей и затем крикнул: – Согласна!

– В-третьих, – продолжал Тулун, – мы, трое Балтов, не привыкли гнуть голову при дворе. Крыши дворца слишком низки для нас. А государство призывает нас: соседи наши авары, гепиды, славяне, вообразили, что со смертью великого короля эта страна осиротела, и нападают на наши границы. Ты снарядишь три войска, – тысяч в тридцать, – и мы, трое Балтов, поведем их на врагов.

«О, – подумал префект, – это великолепно: они выведут все войска из Италии и сами уберутся», – и, улыбаясь, снова крикнул: – Согласна!

– Что же останется мне после всего этого? – спросила Амаласвинта.

– Золотая корона на прекрасной головке, – ответил Тулун. – А теперь подпиши эти условия. Говори ты, Гильдебад, объяснись с этим римлянином.

Но вместо Гильдебада, – этого громадного гота, которого префект не знал, – выступил Тейя.

– Префект Рима, – начал он, – пролита кровь, благородная, верная, дорогая кровь гота, которая вызовет страшную борьбу. Кровь, в которой ты...

– Э, к чему столько слов, – прервал его великан Гильдебад. – Моему златокудрому брату не повредит легкая царапина, а с того уже нечего взыскивать. А ты, черный черт, – обратился он к префекту, поднося ему широкий меч к самому лицу, – узнаешь это?

– Меч Помпония! – побледнев, вскричал префект, отступая назад. Кассиодор и Амаласвинта также вскрикнули в испуге.

– Ага, узнал! Не правда ли, это плохо! Поездка не удалась.

– Где Помпоний? – вскричал Цетег.

– В обществе акул, в глубоком море, – ответил Гильдебранд.

– Как? Убийство? Но кто же осмелился? – с гневом вскричал префект. – Как это случилось?

– Очень просто. Помпоний в последнее время позволял себе такие речи, что даже мой беззаботный брат обратил наконец внимание на его поведение. Несколько дней назад он вдруг уехал куда-то на самом быстром корабле. Это возбудило подозрение брата. Он сел на свой корабль, пустился за ним, догнал его и спросил, куда он направляется.

– Но Тотила не имел права допрашивать его! Помпоний не должен был давать ему ответ! – вскричал префект.

– Но он ему дал ответ, великолепнейший римлянин. Видя, что у него в пять раз больше солдат, чем у нас, он засмеялся и ответил, что едет спасать королеву из рук готов и привезти ее в Рим, после чего сделал знак своим людям. Ну, мы, конечно, также взяли за мечи. Жаркая была схватка. Неподалеку оказались наши молодцы. Они слышали лязг железа и поспешили к нам. Теперь уже нас стало больше, чем римлян. Но Помпоний – молодец, он сражался, как лев. Бросившись на моего брата, он ранил его в руку. Тут Тотила уже рассердился и пронзил его мечом, так что тот сразу упал. Умирая, он сказал мне: «Передай префекту мой поклон и этот меч, который он сам подарил мне, и скажи, что я непременно исполнил бы обещание, если бы не подоспела смерть». Я обещал исполнить просьбу. Он был храбрый человек. И вот его меч. После его смерти корабли сдались нам, и Тотила повел их в Анкону, а я сел на самый быстрый из них и прибыл сюда в одно время с Балтами.

Все молчали. Цетег видел, что план его разрушен Тотилой. Страшная ненависть к молодому готу закипела в груди его.

– Ну, что же, Амаласвинта, согласна ты подписать условия, или мы должны выбрать себе другого короля? – спросил Тулун.

– Подпиши, королева, – сказал Цетег, – тебе не остается выбора.

Амаласвинта подписала.

– Хорошо, теперь мы пойдем сообщить готам, что все улажено.

Они вышли. В зале остались только королев и префект. Тут Амаласвинта дала волю своим слезам: ее гордость была страшно поражена.

– О, Цетег, – вскричала она, ломая руки: – все, все потеряно!

– Нет, не все, только один план не удался. Но я больше не могу быть полезен тебе, – холодно прибавил он, – и уезжаю в Рим.

– Как? Ты покидаешь меня в такую минуту? Ты, ты настоял, чтобы я приняла все эти условия, которые лишают меня власти, и теперь уходишь! О, лучше бы я не соглашалась, тогда я осталась бы королевой, хотя бы они и возложили корону на этого мятежника-герцога.

«Да, конечно, – подумал Цетег, – для тебя было бы лучше, но не для меня. Нет, эту корону не должен носить ни один герой!» Он быстро сообразил, что теперь уже Амаласвинта не может быть полезна для него, и составил в голове уже новый план. Но, чтобы она не вздумала отказаться от подписанных условий и тем дать готам повод передать корону Тулу ну, он заговорил снова, как преданный друг:

– Я ухожу, королева, но не покидаю тебя. Я только не могу теперь быть полезен тебе здесь. За тобою будут зорко наблюдать.

– Но что же мне делать с этими условиями, с этими тремя герцогами?

– С герцогами? – медленно повторил префект. – Они ведь отправляются на войну и, быть может, не возвратятся оттуда.

– Быть может! – вздохнула королева, – что за польза от «быть может!»

– Но если ты захочешь, – проговорил префект, глядя ей прямо в глаза, – то они и, наверное, не вернутся.

– Убийство! – с ужасом отшатнулась королева.

– Необходимость. Да это и не убийство. Это будет справедливое наказание. Ведь если бы ты имела власть, ты предала бы их палачу Они мятежники, они принудили тебя, королеву, подписать условия, они убили Помпония, – они заслужили казнь.

– Да, они должны умереть, эти грубые люди, которые предписывают условия королеве. Ты прав, они не должны жить.

– Да, – как бы про себя повторил префект. – Они должны умереть, они и Тотила.

– А Тотила за что? – спросила Амаласвинта. – Это прекраснейший юноша из моего народа.

– Он умрет, – с ненавистью вскричал префект. – О если бы он мог десять раз умереть! Я пришлю тебе из Рима трех человек, исаврийских солдат. Ты отправишь их вслед за Балтами. Все трое должны умереть, в один день. А о прекрасном Тотиле я сам позабочусь. В случае возмущения готов, я немедленно явлюсь с войском тебе на помощь. А теперь прощай!

И он вышел. Глубоко одинокой почувствовала себя королева: со двора доносились крики радости готов, которые торжествовали свою победу над ней. Последнее обещание префекта, она чувствовала, было пустой фразой. С тоской подперла она голову рукой. В эту минуту в комнату вошел один из придворных.

– Послы из Византии просят принять их. Император Юстин умер. На престол вступил его племянник Юстиниан. Он шлет тебе братский привет и свою дружбу.

– Юстиниан! – вскричала королева. Она лишилась сына, ее народ грозил ей, Цетег покинул ее, – все отступили от нее, напрасно искала она помощи и поддержки кругом себя, – поэтому из глубины души повторяла она теперь: Юстиниан! Юстиниан!

Глава 3

Цетег лежит на мягком диване в своем кабинете в Риме. Он чувствует себя прекрасно: число заговорщиков увеличивается с каждым днем, особенно в последнее время, когда со стороны готского правительства начались некоторые стеснения. Влияние его в Риме безгранично. Даже самые осторожные находили, что, пока Рим не освобожден, необходимо предоставить Цетегу, как наиболее способному, безусловную власть. Теперь он лежал и думал, что если все будет идти, как теперь, и укрепление Рима будет закончено, то можно будет изгнать готов и без помощи Византии. А это было бы недурно, потому что всех этих освободителей очень легко призвать, но очень трудно удалить.

Вошел слуга и подал ему письмо. – Гонец ждет, – сказал он и удалился. Цетег взял письмо совершенно равнодушно, но, взглянув на печать, сразу оживился. – «От Юлия, – слава Богу!» И на холодном лице префекта явилось чуждое ему выражение дружеской теплоты. Быстро распечатав письмо, он начал читать.

«Цетегу, префекту Рима, Юлий Монтан.

Давно уже, мой учитель и воспитатель (клянусь Юпитером, как холодно звучит это!), не писал я тебе. И последнее письмо мое было очень мрачно, я сознаю это, но таково было и мое настроение. На душе у меня было так мрачно, я бранил себя за свою страшную неблагодарность к тебе, самому великодушному из всех благодетелей (никогда еще не называл он меня этим невыносимым именем! – пробормотал Цетег). Вот уже два года я путешествую за твой счет по всему миру, путешествую, как принц, с целой толпой рабов и слуг, имею возможность наслаждаться мудростью и всеми прелестями древних, и я все недоволен, неудовлетворен.

Но вот здесь, в Неаполе, в этом благословенном богами городе, я нашел наконец то, чего мне недоставало, хотя и не сознавал этого: не мертвую мудрость, а живое, горячее счастье (а, он влюбился! ну, наконец-то, хвала богам!). О учитель, отец! знаешь ли ты, какое это счастье – назвать своим сердце, которое тебя вполне понимает, (ах Юлий! знаю ли я это!), которому ты можешь открыть свою душу! О, если ты это испытал, то поздравь меня, принеси жертву богам, потому что я и теперь в первый раз в жизни имею – друга!»

– Что! невольно прыгивая с места, вскричал префект: – вот неблагодарный! Но затем продолжал читать.

«Ты ведь знаешь, что друга, поверенного я до сих пор не имел. Ты, мой учитель, заменивший отца...»

(Цетег с досадой бросил письмо и быстрыми шагами прошелся по комнате, но тотчас овладел собою: «Глупости», – пробормотал он и снова начал чтение)

«...ты настолько старше, умнее, лучше, выше меня, притом я обязан тебе такой благодарностью, уважением, что все это заставляло мою душу пугливо замыкаться в себе. Тем более, что я часто слышал, как ты подсмеивался над всякой мягкостью, горячностью. Резкая складка у углов твоего рта действовала на меня, как ночной мороз на распускающуюся фиалку. Но теперь я нашел друга откровенного, молодого, горячего, и я счастлив, как никогда. Мы имеем одну душу, целые дни и ночи мы говорим, говорим и не можем наговориться. Он гот...»

(«Еще что!» – с неудовольствием сказал Цетег)

«...и называется Тотила».

Рука префекта опустилась. Он ничего не сказал, только на минуту закрыл глаза, но затем спокойно продолжал:

«...И называется Тотила. Мы встретились в Неаполе совершенно случайно, сошлись очень быстро и с каждым днем сильнее привязываемся друг к другу. Особенно упрочилась наша дружба после одного случая. Однажды вечером мы по обыкновению гуляли и, шутя, обменялись верхней одеждой: я надел шлем и широкий белый плащ Тотилы, он – мою хла-

миду. Вдруг в одной глухой улице из-за куста выскочил какой-то человек, бросился на меня и слегка ранил копьем. Тотила тотчас поразил его мечом. Я наклонился над умирающим и спросил его: чем вызвал я в нем такую ненависть, что он решился на убийство. Он взглянул на меня, вздрогнул и прошептал: „Не тебя, я должен был убить Тотилу, гота!“ – и с этими словами умер. Судя по одежде и оружию, он был исаврийский солдат».

Цетег опустил письмо и сжал лоб рукою.

– Ужасная ошибка! – прошептал он и продолжал читать.

«Этот случай освятил и укрепил еще более нашу дружбу. И кому же я обязан этим счастьем? Тебе, одному тебе, который отправил меня в этот город, где я нашел такую истинную отраду. Да вознаградит тебя небо за это! Но я вижу, что все это письмо наполнено рассказом о себе, о своей дружбе. Напиши же, как тебе живется? Прощай!»

Горькая усмешка показалась на губах префекта, и он снова быстро зашагал взад и вперед по комнате. Наконец он остановился и сжал рукою лоб.

– Как могу я быть так... молод, чтоб сердиться. Ведь это так естественно, хотя и глупо. Ты болен, Юлий: погоди, я пропишу тебе рецепт.

И с какой-то злобной радостью он написал:

«Юлию Монтану, Цетег, префект Рима.

Твое трогательное письмо из Неаполя очень рассмешило меня. Оно показывает, что ты выносишь теперь последнюю детскую болезнь. Когда она пройдет, ты будешь уже взрослым мужчиной. Чтобы ускорить кризис, я прописываю тебе лучшее средство. Отыщи немедленно в Неаполе богатого купца Валерия Процилла. Это богатейший купец всего юга, заклятый враг византийцев, убивших его отца и брата, горячий республиканец, а поэтому мой друг. Дочь его, Валерия – самая красивая римлянка нашего времени. Она только на три года моложе тебя, следовательно, в десять раз зрелее. Скажи ее отцу, что Цетег просит ее руки для тебя. Ты, – я уверен, – с первого раза влюбишься в нее по уши и забудешь всех друзей в мире: когда восходит солнце, луна бледнеет. Кстати, знаешь ли ты, что твой новый друг – один из опаснейших врагов римлян? А я когда-то знал некоего Юлия, который клялся, что Рим – выше всего. Прощай».

Запечатав письмо, префект позвал слугу.

– Позаботься о гонце, чтобы он был сыт, дай ему вина и червонец, – и пусть завтра утром он едет обратно с этим письмом.

Глава 4

Несколько времени спустя, в одной из небольших комнат императорского дворца в Византии стоял, глубоко задумавшись, маленького роста некрасивый человек, – император Юстиниан.

Комната убрана роскошно. Особенно бросался в глаза огромный, в рост человека, крест из чистого золота. Император медленно ходил взад и вперед по комнате и каждый раз, проходя мимо креста, набожно склонял голову и крестился. Наконец он остановился перед огромной картой Римской империи и долго рассматривал ее.

– Если бы знать исход! – вздохнул он, потирая худые руки. – Меня влечет неудержимо, этот какой-то дух вселился в меня и манит. Но кто этот дух: ангел ли с неба или демон?.. О триединый Боже, прости своего верного раба и наставь меня: могу ли я, смею ли?..

В это время пурпуровый занавес, закрывавший вход, слегка приподнялся, и в комнату вошел слуга.

– Император, – сказал он, бросившись перед ним на землю, – явились патриции, которых ты приглашал.

– Пусть войдут.

В комнату вошли два человека: один высокого роста, широкоплечий, с красивым, открытым лицом. Другой – болезненный калека, хромой, с одним плечом выше другого. Но глаза его блестели такою пронизательностью, таким умом, что заставляли забывать о безобразии его фигуры. Оба, войдя в комнату, бросились к ногам императора.

– Мы позвали вас, – начал император, – чтобы выслушать ваш совет относительно Италии. Вам дано было три дня на рассмотрение переписки с королевой, с партией патриотов и с другими. Что же вы решили? Говори сначала ты, главный военачальник.

– Государь, – ответил высокий, – совет Велизария всегда один: долой варваров! С пятнадцатитысячным войском я уничтожил по твоему приказанию государство вандалов в Африке. Дай мне тридцать тысяч, – и я сделаю то же с готами.

– Хорошо, – ответил Юстиниан. – Твой совет мне нравится. Ну, а ты что скажешь? – обратился затем император к калеке.

– Император, – ответил тот резким голосом. – Я против этой войны в настоящее время, потому что, кто должен защищать свой дом, тому нечего думать о нападениях. С запада, со стороны готов, нам не грозит никакой опасности. А на востоке мы имеем врага – персов, которые могут уничтожить наше государство.

– С каких это пор мой великий соперник Нарзес начал бояться персов? – насмешливо спросил Велизарий.

– Нарзес никого не боится, – ответил тот, – ни персов, которых он побеждал, ни Велизария, которого персы побеждали. Но я знаю восток. Опасность нам грозит оттуда. И потом, государь, постыдно для нас из года в год золотом покупать мир у персидского хана Хозроя.

Яркая краска залила щеки императора:

– Как можешь ты таким образом называть наши подарки? – вскричал он.

– Подарки! А если эти подарки запоздают на неделю, то Хозрой сожжет наши пограничные села и города. Нет, государь, нечего тебе без нужды трогать готов. Лучше сосредоточь все свои силы на востоке, укрепи границу и сбрось эту постыдную дань персам. А после этого, – что же, – тогда, если пожелаешь, можешь воевать и с готами.

– Не слушай его, государь! – вскричал Велизарий. – Дай мне войско в тридцать тысяч, и головой ручаюсь, что Италия будет твоей.

– А я ручаюсь своей головой, что Велизарий не завоеует Италии не только с тридцатью, но и с сотней тысяч человек, потому что Велизарий – герой, но не великий полководец. Он

был бы лучшим полководцем, если бы не был таким героем. Все битвы, которые он проиграл, были проиграны только из-за его геройства.

– Ну, о тебе этого нельзя сказать, – заметил Велизарий.

– Конечно, нельзя, потому что я не проиграл еще ни одного сражения: я не герой, но я великий полководец. Вот почему, если кто завоеует Италию, то это буду я, имея восемьдесят тысяч войска.

В эту минуту явился слуга и объявил, что Александр, которого император посылал в Равенну, возвратился и просит его принять.

– Скорее веди его, – с радостью вскричал император.

Вошел красивый молодой человек.

– Что же, Александр, ты приехал один? – спросил его император.

– Да, один, – ответил тот.

– Однако, судя по твоему последнему письму... Ну, в каком же положении находится государство готов?

– В очень затруднительном. Я писал тебе, что Амаласвинта решила отделаться от трех своих врагов – Балтов. Если бы убийство их не удалось, то ей было бы опасно оставаться в Равенне, и она просила, чтобы я доставил ее сюда, в Византию.

– Ну и что же? Удалось убийство?

– Удалось: трех герцогов уже нет. Но в Равенне распространился слух, что самый опасный из этих герцогов, Тулун, – которого одно время Теодорих думал назначить своим наследником, обойдя внука, – не убит, а только ранен. Готы с угрозами толпой окружили дворец, а регентша бежала ко мне на корабль. Я тотчас велел сняться с якоря. Но недалеко успели мы отъехать: нас нагнал граф Витихис и потребовал, чтобы королева возвратилась в Равенну. Так как, с одной стороны, знатные готы, по-видимому, не верят ее вине, а с другой, если бы она не согласилась возвратиться добровольно, то Витихис заставил бы ее, – то она возвратилась. Но перед отъездом написала тебе письмо и велела передать тебе этот ящик с подарками. Вот он.

– Это после, – сказал император. – Сначала расскажи, каково положение дел в Италии?

– Самое благоприятное для тебя. Слух об убийстве герцогов, о восстании готов и бегстве королевы быстро распространился по всей стране. Дело дошло до столкновения между римлянами и готами. В Риме патриоты собрались в сенате и решили призвать тебя на помощь. Только гениальный глава заговорщиков катакомб не поверил слухам и с невероятным усилием удержал римлян. А через час стало известно, что Амаласвинта возвратилась, и страна успокоилась. Впрочем, черный Тейя, командующий войсками в Риме, поклялся, что если хоть один волос падет с головы какого либо гота, то он сравняет Рим с землей. Но я сообщу тебе еще лучшую новость: не только среди римлян нашел я горячих сторонников, но и среди готов, и даже среди членов королевского дома.

– Что ты хочешь сказать? – с радостью вскричал император.

– Да, в Тускии живет очень богатый князь Теодагад, двоюродный брат Амаласвинты.

– Последний в роде Амалунгов, так ведь?

– Да, последний. Он и еще более Готелинда – умная, но злая жена его, гордая дочь Балтов, смертельно ненавидят королеву и предлагают свои услуги – подчинить тебе Италию. Вот письмо от них. Но прочти прежде письмо Амаласвинты; оно, кажется мне, очень важно.

Император вскрыл печать и начал читать.

– Прекрасно! – вскричал он, окончив чтение. – С этим письмом я держу Италию и государство готов в своих руках!

И быстрыми шагами он начал ходить по комнате, забывая кланяться кресту.

– Прекрасно! Она просит дать ей телохранителей. Конечно, конечно – я дам. Но не две тысячи, а много, гораздо больше, чем ей это понравится, и ты, Велизарий, поведешь их туда.

– Теперь рассмотри ее подарки. Там есть и портрет ее.

В эту минуту портьера слегка отдернулась и в отверстие просунулась незамеченная никем голова женщины. Император между тем открыл дорогую шкатулку, выбросил из нее драгоценности и вынул небольшой портрет со дна ее. Взглянув на него, он невольно вскрикнул от восторга: – Что за прелестная женщина! Какая величественность! Сейчас видно королевскую дочь, рожденную повелительницу!

Тут портьера отдернулась, и женщина вошла. Это была императрица Феодора. Ей было лет около сорока. Щеки и губы ее были подкрашены, брови начернены, – вообще приняты были все меры, чтобы поддержать увядающую красоту. Но и без этого она была бы еще прекрасна.

– Чему так радуется мой повелитель? – спросила она льстивым голосом, подойдя к императору. – Не могу ли и я разделить эту радость?

Все присутствующие бросились перед нею на землю, как перед императором. Юстиниан же вздрогнул и хотел спрятать портрет. Но не успел: императрица уже внимательно всматривалась в него.

– Мы восхищались, – ответил он в замешательстве, – чудной рамкой портрета.

– Ну, в рамке нет решительно ничего хорошего, – ответила с улыбкой Феодора. – Но лицо недурно. Королева готов, вероятно?

Посланный наклонил голову.

– Да, недурна. Только слишком груба, строга, неженственна. Но стоит ли заниматься женским портретом! Юстиниан, что же, решился ты?

– Почти. Я хотел только еще посоветоваться с тобою, – ответил император. – Господа, уйдите. Я посоветуюсь с императрицей. Завтра вы узнаете мое решение.

Оставшись наедине с женою, Юстиниан взял ее руку и нежно поцеловал.

«О, – подумала Феодора, – уж эта нежность недаром: ему что-то нужно. Надо быть осторожнее». И громко спросила:

– Так что же ты думаешь делать?

– Я почти решил уже послать в Италию Велизария с тридцатитысячным войском. Конечно, с такими незначительными силами он не покорит Италию. Но честь его будет задета, и он сделает все возможное, три четверти работы. А тогда я отзову его назад и сам поведу туда шестьдесят тысяч, да возьму еще Нарзеса с собою, шутя кончу остальную четверть работы и буду победителем.

– Хитро задумано, – отвечала императрица. – План прекрасен.

– Да, я решаюсь. Но... еще одно, – и он снова поцеловал руку жены.

«А, вот теперь», – подумала Феодора.

– Когда мы победим готов, что... что надо будет сделать с их королевой?

– Что с нею сделать? – спокойно ответила Феодора. – То же, что с лишенным трона королем вандалов. Она должна будет жить здесь, в Византии.

Юстиниан, с искренней радостью на этот раз, сжал маленькую ручку жены.

– Как я рад, что ты решаешь так справедливо.

– Даже более, – продолжала Феодора. – Она тем легче поддастся нам, чем более будет уверена в достойном приеме здесь. Поэтому я сама напишу ей радушное приглашение, предложу ей посмотреть на меня, как на любящую сестру.

– Ты и не подозреваешь, – горячо вскричал Юстиниан, – как ты облегчишь этим нашу победу. Дочь Теодориха должна быть вполне привлечена на нашу сторону. Она сама должна ввести нас в Равенну. Но в таком случае нельзя сейчас посылать Велизария с войском туда: это может возбудить в ней подозрение. Велизарий должен быть только по близости, наготове. Пусть он держится у берегов Сицилии, под предлогом смут в Африке. Но кто же будет действовать в нашу пользу в Равенне?

– Префект Рима Цетег, умнейший человек в западной империи, друг моей молодости.

– Хорошо. Но он римлянин, и я не могу вполне довериться ему. Необходимо послать туда еще кого-нибудь из вполне преданных нам людей. Кого бы? Разве снова Александра?

– О, нет, – вскричала Феодора, – он слишком молод для подобного дела. Нет!

И она задумалась. Потом через несколько минут торжественно сказала:

– Юстиниан, чтобы доказать тебе, что я могу забыть личную ненависть, где этого требует благо государства, и где необходим подходящий человек, я сама предлагаю тебе своего врага, искусного дипломата – Петра, двоюродного брата Нарзеса. Пошли его.

– Феодора, – в восторге вскричал Юстиниан, обнимая ее. – Ты, действительно, послана мне самим Богом. Цетег – Петр – Велизарий! Варвары, вы погибли!

Глава 5

На следующее утро в комнату Феодоры вошел маленький горбатый человек лет сорока, с крайне неприятным, но умным лицом.

– Императрица, – со страхом заговорил он, низко кланяясь. – Что, если меня увидят здесь! Тогда в одну минуту погибнут ухищрения стольких лет.

– Никто не увидит тебя, Петр, – спокойно ответила императрица. – Единственный час в течение дня, когда, я обеспечена от неожиданных посещений императора, это часть его молитвы. Да продлит Господь его благочестие! Сегодня я не могу говорить с тобою, как обыкновенно, в церкви, где ты, сидя в темной исповедальне, будто бы исповедуешь меня: сегодня император потребует тебя до начала обедни, и ты должен быть заранее подготовлен.

– В чем дело? – спросил горбун.

– Петр, – медленно сказала Феодора, – наступил день вознаградить тебя за твою долготную службу мне и сделать тебя великим человеком.

«Давно бы пора!» – подумал горбун.

– Но, прежде чем поручить тебе сегодняшнее дело, необходимо выяснить тебе наши отношения и напомнить о твоём прошлом, о начале нашей дружбы.

– К чему это? – недовольно заметил Петр.

– Непременно нужно, ты сам увидишь. Итак, начнем. Ты – двоюродный брат моего смертельного врага Нарзеса и был его сторонником, следовательно, и сам был моим врагом. Целые годы ты служил Нарзесу против меня. Мне повредило это мало, а сам выиграл еще меньше: оставался простым писарем и умирал с голоду. Но такая умная голова, как ты, сумеет себе помочь: ты начал подделывать, удваивать списки налогов императора, провинции платили двойные налоги, – одни шли Юстиниану, а другие – казначеям и тебе. Некоторое время все шло прекрасно. Но один новый, молодой казначей нашел более выгодным служить мне, чем делиться с тобою. Он сделал вид, что согласен, взял список, подделанный тобою, и принес его мне.

– Негодяй, – пробормотал Петр.

– Да, это было дурно, – усмехнулась Феодора. – С этим списком я могла в одну минуту уничтожить своего хромого врага. Но я пожертвовала короткой мстостью ради продолжительного успеха: я позвала тебя и предложила – умереть или служить мне. Ты выбрал последнее, и вот с тех пор в глазах света – мы смертельные враги, а втайне – друзья. Ты выдаешь мне все планы Нарзеса, а я щедро плачу тебе. Ты стал богат.

– О, пустяки, – вставил горбун.

– Молчи, неблагодарный! Ты очень богат. Об этом знает мой казначей.

– Ну хорошо, я богат, но не имею звания, почестей. Мои школьные товарищи, Цетег в Риме, Прокопий в Византии...

– Терпение! С нынешнего дня ты будешь быстро подниматься по служебной лестнице почестей. Слушай: завтра ты отправишься, как императорский посол, в Равенну.

– Как императорский посол! – радостно вскричал Петр.

– Да, благодаря мне. Но слушай. Юстиниан поручит тебе уничтожить государство готов, проложить Велизариию путь в Италию. Это ты исполнишь. Но кроме того, он даст тебе еще одно, особенно важное в его глазах, поручение: во что бы то ни стало спасти дочь Теодориха из рук ее врагов и привезти сюда, в Византию. Вот мое письмо к ней, в котором я приглашаю ее к себе, как сестру.

– Хорошо, – сказал Петр, – я привезу ее тотчас сюда. Феодора вскочила с места.

– Ни в каком случае, Петр, – воскликнула она, – потому-то и посылаю я тебя, что она не должна приехать в Византию: она должна умереть.

Пораженный Петр выронил из рук письмо.

– О императрица, – прошептал он: – убийство!

– Молчи, – возразила Феодора, и глаза ее мрачно сверкнули. – Она должна умереть.

– Но почему? За что?

– За что? Хорошо, я скажу это тебе: знай, – и она дико схватила его за руку и прошептала на ухо: Юстиниан начинает любить ее.

– Феодора! – вскричал горбун: – но ведь он ни разу не видел ее!

– Он видел ее портрет.

– Но ведь ты никогда еще не имела соперницы!

– Вот и забочусь о том, чтобы ее не было.

– Но ты так прекрасна!

– Она моложе меня.

– Ты так умна, ты его поверенная, он сообщает тебе самые затаенные свои мысли.

– Вот это и тяготит его. И... заметь: Амаласвинта – дочь короля, кровная королева! А я – дочь содержателя цирка. А Юстиниан, – как это ни смешно – надев царскую мантию, забыл о том, что он сам сын пастуха, и бредит королевской кровью. С этим бредом его я не могу бороться. Изю всех женщин в мире я никого не боюсь, кроме этой дочери короля.

И она гневно сжала маленькую руку в кулак.

– Берегись, Юстиниан! Этими глазами, этими руками Феодора заставляла повиноваться львов и тигров!.. Одним словом, Амаласвинта умрет.

– Хорошо, – ответил Петр. – Но не от моей руки. У тебя много кровожадных слуг. Посылай их. Я – человек слова.

– Нет, милый, ты, именно ты, мой враг, сделаешь это, потому что преданных мне людей обязательно заподозрят.

– Феодора, – забывшись, сказал Петр: – но если будет умерщвлена дочь Теодориха, королева по праву рождения...

– А, несчастный! И ты тоже ослеплен этой королевой! Слушай, Петр: в тот день, когда получится весть о смерти Амаласвинты, ты будешь римским сенатором.

Глаза старика блеснули. Но трусость или совесть одержали верх.

– Нет, – решительно ответил он: – лучше я покину двор и оставлю все надежды.

– Но ты умрешь, несчастный, – с гневом вскричала императрица. – О, воображаешь ли ты, что теперь свободен и в безопасности, что я сожгла тогда фальшивые документы? О глупец! Да ведь сгорели не те. Вот смотри, – твоя жизнь все еще в моих руках.

И она вынула из стола почку пожелтевших документов. При виде их Петр в ужасе опустился на колени.

– Приказывай, – прошептал он, – я все исполню.

– То-то же! – ответила Теодора. – Подними мое письмо к Амаласвинте и помни: звание патриция – если она умрет. Пытка и смерть – если она останется жива. Теперь уходи.

Глава 6

Задумчиво сидел Цетег в своем кабинете с письмом в руках. Письмо снова было от Юлия. Вот что писал юноша:

«Цетегу, префекту, Юлий Монтан.

Твой холодный ответ на сообщение о моем новом счастье сильно огорчил меня сначала, но затем еще более возвысил это счастье, хотя ты этого не мог ни предвидеть, ни желать. Страдание, причиненное тобою, вскоре сменилось состраданием к тебе. Горе человеку, который так богато одарен умом и так беден добротой сердца! Горе человеку, который не способен испытать готовность на жертвы любви к ближнему, который не знает сострадания! Горе тебе, не знающему лучшего в мире!

Прости, что я говорю так свободно, как никогда не говорил с тобою. Но твоё „лекарство“ действительно смыло с меня последние следы юношества, сделало меня вполне зрелым, хотя не в том смысле, как ты надеялся: оно подвергло мою дружбу тяжелому испытанию, но, благодаря Богу, эта дружба не только не уничтожилась, но еще более укрепилась в этом испытании.

Слушай и удивляйся, что вышло из всех твоих планов.

Как ни тяжело было мне твоё письмо, но, привыкший к послушанию, я в тот же день отправился искать Валерия. И скоро нашел: он уже бросил торговлю и живет в прекрасной вилле за городом. Он отнесся ко мне замечательно дружелюбно и тотчас пригласил прожить несколько времени в него на даче. Его дочь... да, ты предсказал верно: красота ее сильно поразила меня. Но еще больше подействовало на меня величие души, которое я открывал в ней с каждым днем. И особенно привлекла меня в ней та двойственность, которая проходит через всю ее жизнь. Ты ведь знаешь историю их семейства: мать Валерии, женщина очень набожная, посвятила ее с самого детства на служение Богу, – отдала в монастырь, где девушка должна была провести всю свою жизнь. Однако отец ее, более язычник, чем христианин, после смерти своей жены взял дочь обратно, пожертвовав в монастырь огромную сумму на постройку церкви. Но Валерия думает, что небо не берет мертвого золота вместо живой человеческой души. Она считает себя связанной обетом и думает о нем постоянно, хотя не с любовью, а со страхом, потому что она – вполне старого, языческого мира, истинная дочь своего отца. Отец ее заметил зарождающуюся во мне привязанность и, видимо, был доволен. Валерия тоже относилась ко мне очень дружелюбно. Проходили дни. Мое чувство крепло, и я был уверен, что Валерия согласится выйти за меня. Несколько раз я собирался просить ее руки. Но какое-то смутное чувство не допускало меня высказаться. Мне казалось, что я причину этим зло кому-то другому. Я считал себя недостойным ее или непредназначенным ей судьбою, – и молчал. Один раз она была особенно прекрасна. Я не мог совладать с собой и начал уже говорить... как вдруг меня подавила мысль: „Ты совершаешь грабежи. Тотила!“ – невольно вскричал я из глубины души и стал глубоко корить себя, что из-за нового счастья я почти забыл своего друга, брата. „Нет, – подумал я, – твоё пророчество не должно исполниться, – эта любовь не должна отдалить меня от друга“. И в тот же день я отправился в город к Тотиле и пригласил его на дачу. Я, конечно, много говорил ему о Валерии, но о своей любви к ней, не знаю сам – почему, умолчал: пусть, думал я, он сам все увидит и догадается.

На следующее утро мы вместе поехали на дачу. В доме нам сказали, что Валерия в саду, – она страстно любит цветы. Мы пошли к ней, Тотила впереди, я за ним. И вот, на повороте одной из аллей, мы увидели чудное видение: она стояла перед статуей своего отца и убирала ее свежими розами. Она была так прекрасна, что Тотила, громко вскрикнув от восторга, остановился, как вкопанный, на месте. Она взглянула на него и также вся вздрогнула. Розы выпали из ее рук, но она не замечала этого. Я с быстротой молнии понял, что и ее, и моя судьба решалась: они с первого взгляда полюбили друг друга. Точно острая стрела пронзила мое сердце.

Но только на одну минутку, – тотчас же рядом с болью я почувствовал и чистую радость, без малейшей зависти: они, созданные друг для друга, встретились наконец. Теперь я понял, что удерживало меня раньше вдали от Валерии, почему именно его имя сорвалось с моих уст: Валерия предназначена ему, и я не должен становиться между ними.

О дальнейшем не буду говорить. Во мне еще столько эгоизма, святое учение отречения имеет еще так мало власти надо мною, что, – к стыду моему должен сознаться, – даже теперь еще сердце мое временами сжимается от боли, вместо того, чтобы радоваться счастьем друга. Они любят друг друга и счастливы, как боги. Мне же остается радость любоваться их счастьем и скрывать свою любовь от отца, который вряд ли согласится отдать свою дочь Тотиле, пока будет считать его варваром. Свою же любовь я глубоко скрывает: он не должен подозревать ее.

Теперь ты видишь, Цетег, как действительность далека от того, чего ты желал: ты готовил это сокровище Италии для меня, а оно досталось Тотиле. Ты хотел уничтожить нашу дружбу и подвергнуть ее тяжелому испытанию, но только более скрепил ее, сделав бессмертной».

Глава 7

У городских ворот Неаполя возвышается уступами высокая башня, сложенная из огромных камней. В самом верхнем этаже – две низкие, но большие комнаты, в которых живет еврей Исаак, хранивший ключи от городских ворот и всех строений около стен города.

В одной из комнат сидит, скрестив ноги, старик Исаак, на плетеной циновке, держа в руке длинную палку. Против него стоит маленького роста молодой еще человек, очевидно, также еврей, с некрасивым и очень неприятным лицом.

– Итак, ты видишь, отец Исаак, что моя речь – не пустая речь, мои слова исходят не только из сердца, которое слепо, а из головы, которая хорошо видит. Вот я принес тебе письма и документы: я назначен смотрителем всех водопроводов Италии и получаю за это ежегодно пятьдесят червонцев. Да за каждую новую работу сверх того еще по десять червонцев. Вот я недавно окончил новый водопровод здесь, в Неаполе, и смотри: в кошельке у меня блещут десять тяжелых золотых. Верь мне, я могу содержать жену. Отдай же мне твою дочь Мирьям. Ведь я же сын Рахили, твоей двоюродной сестры.

Старик медленно покачал головою.

– Иохим, сын Рахили, оставь. Говорю тебе, оставь эту мысль.

– Почему? Что можешь ты иметь против меня? Кто среди Израиля может сказать что-нибудь против Иохима?

– Никто. Ты честен, смирен и прилежен. Ты успешно увеличиваешь свое состояние. Но видел ли ты когда-нибудь, чтобы соловей взял в подруги воробья, или горная газель – выючное животное? Они не подходят друг к другу. Ну, а теперь взгляни сюда и скажи сам: разве ты пара моей Марьям?

И он отстранил своей палкой шерстяной занавес, закрывавший вход в другую комнату. Там у круглого окна стояла очень молоденькая девушка чудной красоты. Она тихо перебирала пальцами струны арфы и не пела, а скорее шептала, глядя на расстилающийся внизу город:

«У рек Вавилонских сидел с плачем род Иуды. Когда же наступит день, когда роду Иуды не придется более плакать?»

– Взгляни, тихо сказал старик, – разве она не прекрасна, как роза из садов Сарона, как лань в горах Хирама?

В эту минуту раздались три удара в узкую железную дверь внизу.

– Опять этот гордый светловолосый гот! – с досадой сказал Иохим. – Отец Исаак, уж не он ли – тот благородный олень, который подходит к твоей лани?

– Не говори глупостей, сын мой. Ты ведь знаешь, что молодой гот влюблен в римлянку и не думает о жемчужине Иуды.

– Но, быть может, жемчужина Иуды думает о нем?

– Да, с глубокой благодарностью, как ягненок о сильном пастухе, который вырвал его из пасти волка. Разве ты забыл, как разгромили римляне евреев? Они сожгли нашу синагогу, разграбили наши дома. Целая толпа этих людей бросилась преследовать мое бедное дитя. Они сорвали покрывало с ее головы и платок с ее плеч. Где был тогда сын Рахили, Иохим, который сопровождал ее? Он очень быстро убежал от опасности, оставив голубку в когтях коршуна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.